

М - 23

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ ИМ. Х.С.СУЛЕЙМАНОВА

На правах рукописи

УДК 891.5
М-23

МАННАНОВ АБДУРАХИМ МУТАЛОВИЧ

РОШАНИЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ ШКОЛА НА ПУШТУ
В XVI-XVII вв.
(Источники и проблемы реконструкции)

Специальность: 10.01.11 - Литературное источниковедение и
текстология;
10.01.06 - Литература стран Зарубежной
Азии и Африки.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук

ТАШКЕНТ - 1996

Работа выполнена на кафедрах литературы стран Зарубежного Востока и ирано-афганской филологии Ташкентского государственного института востоковедения.

Официальные оппоненты:

Заслуженный деятель науки Республики Узбекистан, доктор филологических наук, профессор ХАЙИТМЕТОВ А.Х.
доктор филологических наук УСМАНОВ А.
доктор филологических наук ХАМИДОВА М.Ш.

Ведущая организация - Ташкентский государственный педагогический институт им. Низами.

Защита состоится "26" сентя 1996 г. в 10 часов на заседании Специализированного Совета Д.015.91.01. в Институте рукописей им. Х.С. Сулейманова Академии наук Республики Узбекистан (700011, г. Ташкент ул. Навои, 69).

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, ул. Муминова, 13).

Автореферат разослан "25" мая 1996 г.

Учёный секретарь
Специализированного Совета,
доктор филологических наук,

 К.П. САДИКОВ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы. Афганская литература на языке пушту как особое явление региональной словесной культуры примечательна тем, что своё развитие в классической форме она получила позднее, чем другие ведущие литературы региона. Своего расцвета она достигает в XVII-XVIII веках в творчестве таких корифеев пуштунской литературы, как Хушхаль-хан Хаттак, Абдурахман Моманд, Абдулхамид Моманд, пополнивших арсенал классической восточной поэзии средних веков произведениями на уровне лучших образцов региональной литературы.

Но этому расцвету предшествует крайне сложный и внутренне противоречивый процесс зарождения и становления классической литературы пушту, представленной рошанийской литературной школой во главе с её основателем Баязидом Ансари (1521-1572).

То обстоятельство, что вся пуштунская литература дорошанийского периода представлена лишь в виде отрывочных и единичных образцов поэзии и прозы, не дающих основания говорить о существовании каких-либо литературных течений и стилей, подчеркивает значимость рошанийской литературной школы. Однако ни в Афганистане, ни в других центрах афганистики рошанийская литературная школа не получила соответствующего серьёзного, всестороннего и обстоятельного освещения. Целый литературный пласт, по сути, оставался "белым пятном" в литературоведческой науке и требовал своего освещения. Это обстоятельство и явилось одним из побудительных доводов предпринятого нами исследования.

Для афганистики литература рошани представляет исключительный интерес еще и ввиду того, что она ознаменовала рождение первой литературной школы у афганцев. Отсюда вытекает другой важнейший довод в пользу предпринятого исследования: изучение рошанийской литературы в ее системной многоаспектности (включающей изучение предпосылок возникновения, генезиса и становления; характеристику идейно-художественного мира в целом и каждого крупного представителя в отдельности; освещение борьбы рошанийцев с идейными противниками и т.д.) позволит выявить и представить целостную картину, то есть особенности и типологию классической литературы на языке пушту.

Для современного литературоведения характерен повышенный интерес к ранним этапам развития литературы, поскольку исследование её генезиса является ключом к пониманию специфики и своеобразия литературы в целом. В этом суть следующего довода

актуальности исследования. Концепция генезиса пуштунской литературы, построенная на результатах исследования рошанийского периода, является ключом к пониманию особенностей, динамики развития, традиций и национального своеобразия афганской классической литературы в целом.

Состояние изученности проблемы. Еще в прошлом веке ученые обращали свои взоры на творчество поэтов и писателей рошанийской школы, тем не менее заслуживающих внимания печатных сведений о жизни и творчестве рошанийцев вплоть до 40-х годов XX века, ни в Афганистане, ни за его пределами практически не зафиксировано. За последние пятьдесят лет на страницах периодической печати и изданий было опубликовано определенное количество различного рода статей, заметок, исследований, которые представляют собой результаты отдельных попыток исследовать и охарактеризовать те или иные явления и аспекты творчества рошанийцев и носят обзорный или частный характер.

Не отрицая значимости имеющихся исследований и того вклада, который они, несомненно, внесли в дело изучения творческого наследия рошанийцев, нельзя не признать того факта, что во всей совокупности результаты этих исследований не воссоздают целостной картины становления и развития рошанийской литературной школы.

Цели и задачи исследования. Настоящая работа посвящена первому в афганистике комплексному исследованию одного из ранних литературных направлений у афганцев на языке пушту - рошанийской школы - возникшей на рубеже XVI - XVII вв.

Целью исследования является всестороннее освещение этого весьма значительного явления во всей совокупности имеющих к нему отношение историко-филологических, философско-теологических, художественно-эстетических и социально-этических категорий и аспектов.

В соответствии с поставленной целью определились следующие конкретные задачи исследования:

- Воссоздать фактографический фундамент, выявив все имеющиеся на сегодняшний день первоисточники; определить их достоверность, сопроводив необходимым источниковедческим, библиографическим и текстологическим комментарием.

- Реконструировать на основе оригинальных источников картину дорошанийского, а затем и рошанийского периодов в литературно-художественном аспекте, изложить историографию вопроса.

- Определить круг конкретных представителей рошанийской литературной школы, систематизировать и обобщить все данные библиографического характера о жизни и творческом наследии всех известных и неизвестных ранее поэтов и писателей данной школы.

- Всесторонне проанализировать основное произведение Баязида Ансари - "Хайр ал-байан", являющееся первым крупным памятником пуштунской словесности и главным идейным источником всей рошанийской литературы; раскрыть его основополагающую роль в формировании литературного языка пуштунов.

- На основе анализа творческого наследия Баязида Ансари дать интерпретацию его философско-теологической доктрины "единобытия" во всех компонентах ее структуры.

- Исследовать поэтическое (художественное) воплощение идей Баязида Ансари в творчестве его единомышленников и последователей, раскрыть основные мотивы и образы философской лирики рошанийских поэтов.

- Рассмотреть вопросы художественного мастерства рошанийских авторов: особенности художественной формы, композиции их произведений, художественно-выразительных средств, языка; особое внимание уделить проблеме формирования и особенностям жанровой системы рошанийской поэзии, а также изучить ритмико-интонационный строй стихотворных произведений.

- Исследовать литературную деятельность идейных противников рошанийцев, представленную творчеством Ахунда Дарвезы и его последователей, в ожесточенной борьбе с которыми формировалась и развивалась рошанийская литература.

Новизна исследования. Диссертация является результатом первой в отечественной и зарубежной афганистике попытки по комплексному изучению и реконструкции самой ранней литературной школы у афганцев на языке пушту. По стечению объективных и субъективных факторов объекту и предмету исследования со стороны литературоведов не уделялось должного внимания, и поэтому многое, как в процессе исследования, так и в достижении результатов, осуществлялось впервые, а именно:

- Собраны воедино, подробно изучены и снабжены источниковедческим и библиографическим комментарием все известные на сегодняшний день рукописные произведения рошанийцев.

- Выявлены имена и произведения не известных ранее поэтов и писателей-рошанийцев, в результате чего их число достигло 34.

- Изучена в полном объеме и систематизирована научная литература о рошанийцах и их творчестве.

- На основе тщательного изучения всех доступных произведений Баязида Ансари и детального анализа его философско-теологических и религиозно-правственных взглядов выявлены концептуальные аспекты его суфийско-пантеистического учения, оказавшего глубокое влияние на всю рошанийскую литературу.

- В результате целостного историко-филологического анализа "Хайр ал-байана" Баязида Ансари как одного из ранних памятников письменности афганцев на пушту раскрыты его идейно-тематическое, литературно-художественное, жанровое своеобразие.

- Подвергнуты детально источниковедческому и литературоведческому анализу произведения рошанийцев, в том числе и диваны стихотворений ведущих рошанийских поэтов.

- Исследованы проблемы возникновения, формирования, развития и своеобразия жанров пуштунской классической поэзии, определены типологические особенности жанровых форм и жанрового содержания поэзии рошанийцев.

- На основе анализа поэтических произведений рошанийцев определены микроструктуры ритма, композиционно-структурные особенности ритмообразования, ритмические модификации пуштунского стиха. В результате анализа фонетической природы пуштунского языка и исследования генезиса рошанийского стиха сделаны новые теоретические выводы касательно принципиальных положений ритмики и метрики, в частности, о принадлежности пуштунского стиха в основной своей массе к силлабо-тонической системе стихосложения и о конструктивных отличиях пуштунского стиха от арузных форм.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Гносеологическая модель и главный ориентир исследования продиктованы общеметодологическими установками современного научного познания. Теоретико-познавательные предпосылки определили общее направление и цель исследования, отвечающие основным функциям науки как деятельности человека по познанию действительности, истины, оценки знаний и их общественной реализации. В качестве инструментария научного исследования нами использован концептуальный и операционный аппарат, выработанный региональными науками гуманитарного направления, в рамках которого проводилось исследование. Конкретные методики применялись на основе специализированных форм познания ряда наук, а именно: востоковедения в его историко-литературном и философском направлениях; литературоведения в

области теории литературы, источниковедения, текстологии, поэтики; языкознания в области фонетики, лексикологии, грамматики восточных языков, в частности, пуштунского языка; исламоведения, теологии, социологии и других смежных наук.

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные труды и новейшие достижения ученых в области общих основ литературоведения; исследования отечественных и зарубежных ученых-востоковедов в области изучения и создания истории, типологии как западных, так и восточных региональных и национальных литератур; теоретические выводы и обобщения ученых, исследовавших проблемы генезиса жанров, их специфических особенностей, проявляющихся в конкретных литературных традициях; теоретический и практический опыт, накопленный Западным и Восточным литературоведением в исследовании вопросов стихосложения; разработки проблем образности, стиля и поэтики всей художественной системы целых литературных периодов и отдельных авторов. К этому ряду мы относим и труды ученых Узбекистана, Афганистана, Пакистана, Грузии, Ирана, России, Таджикистана, Турции и других центров востоковедения по истории, философии и поэтики суфийской литературы, а также различные произведения и трактаты самих суфийских авторов прошлого.

Практическое значение исследования. Диссертация и монография "У истоков пуштунской классической литературы" (Ташкент, изд-во "Фан", 1994, 10 п.л.), отразившие основное содержание исследования, могут быть использованы при создании общей истории пуштунской литературы, прежде всего для воссоздания ее раннеклассического периода, а также при изучении вопросов типологии жанров, стихосложения и литературных процессов. Помимо этого ими можно воспользоваться при написании общей истории и теории суфийской литературы региона в Средние века. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы учеными-текстологами, источниковедами, занимающимися историей становления афганской рукописной книги, письменности, а также историей формирования литературного языка пушту. Опубликованные и готовящиеся к публикации материалы исследования в течение ряда лет служат автору диссертации одним из основных источников при чтении лекций и спецкурса по истории Средневековой литературы афганцев.

Апробация работы. Диссертация выполнена в соответствии с исследовательским планом кафедры литературы стран зарубежного Востока Ташкентского государственного института востоковедения. Основное содержание исследования, как уже было отмечено, нашло

отражение в вышеозначенной монографии, в статьях, опубликованных в специальной периодической печати, научных сборниках, трудах и специальных изданиях; доложено на международных, общесоюзных, региональных конференциях и симпозиумах востоковедов. Всего публикаций по результатам исследования шестнадцать, монография автора "У истоков пуштунской классической литературы" нашла отклик в печати¹. Диссертация обсуждена на расширенном заседании кафедры литературы стран зарубежного Востока Ташкентского государственного института востоковедения и рекомендована к защите. По теме диссертации было сделано также три научных доклада на специальных научных семинарах, утвержденных ВАК РУ: в Институте рукописей АН РУ им. Х.С. Сулейманова, в Ташкентском государственном институте востоковедения и в Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, примечаний и списка использованной литературы.

Введение содержит общую характеристику объекта исследования, обоснование темы диссертации, ее актуальности, формулировку целей и задач исследования и библиографический обзор, характеризующий состояние изученности проблемы.

Формирование феодальных отношений в условиях противостояния правящей верхушки и крестьянства на рубеже XVI-XVII веков вызвало к жизни движение рошани, возглавляемое Баязидом Ансаром - "Пиром Рошаном" ("Старцем, наставником света"), взявшее первоначально на себя миссию морального очищения и духовного просветления человека. Решительно и последовательно претворяя идеи своего лидера в жизнь, расширяя сферы деятельности и влияния, рошанийцы подошли к неизбежности вступления на путь практических действий вплоть до вооруженной борьбы. Динамика развития идей Баязида Ансари претерпела весьма существенные трансформации: деятельность морально-этического и доктринально-

¹ См.: Кадиров Р. О связи времен. "Народное слово" от 18 мая 1995; Исмоил Бекжон. Ишқ ила равшан тариқат, "Ўзбекистон адабиёти ва санъати" от 15 сентября 1995 г.; Хуршид Дўстмухаммад. Боязид Ансорийни танидик, "Миллий тикланиш" от 5 декабря 1995 г.; Усманов А., Хамагаев А.. Крупный вклад в афганистику. - Журнал "Маяк Востока", №1-2, 1995 г., стр. 158-163.

религиозного характера постепенно вылилась в антифеодальную борьбу, которая переплелась в дальнейшем с борьбой против иноземных правителей - Великих Моголов (бабуридов).

Зарождающаяся литература афганцев XVI - середины XVII веков становится ареной идейной борьбы противоборствующих сил, на разных полюсах которой находились рошанийцы и ортодоксальное духовенство в лице Ахунда Дарвезы и его последователей.

Движение рошани дало толчок развитию литературы пушту, ее направлений и стилей. Идеи Баязида Ансари, наиболее полно изложенные в форме суфийско-теологического учения в его главном труде "Хайр ал-байан" ("Преблагая весть"), оказали решающее влияние на подъем и формирование афганской письменной литературы XVI-XVII вв.

Обширную историческую информацию о движении рошани, о различных этапах его развития можно получить в работах: Ахунда Дарвезы, Афзаль-хана Хаттака, Мирзы Мухсина Фани Кашмирки, историков-мемуаристов при дворе могольских императоров: Мухаммад Касим Нинду Фришта, Абдулькадир Бадаюни и др., английских и французских ученых: Дж. Лейдена, Х. Раверти, Ф. Бернье, русских ученых: М.Г. Асланова, И.М. Рейснера, В.А. Ромодина, К.А. Антоновой, в докторской диссертации узбекского ученого Арифа Усманова, афганских и пакистанских ученых: Киямуддина Хадима, Мухаммада Шафин, Абдульхая Хабиби, Абдулькабар-хана Акбара, Абдушукура Рашада, Мухаммада Акбара Каригара и других².

² См.: Дарвеза, Ахунд. Тазикират ал-абрар ва ал-ашрар. Лахор, 1891; Дарвеза, Ахунд. Махзан ал-ислам, Пешавар, 1969; Хаттак, Афзаль-хан. Тарихи мурацца, Пешавар, 1975; Кашмири (Фани), Мирза Мухсин. Китобе дабестане мазъаиб, Бамбей, 1875; Фришта, Мухаммад Касим Нинду шах. Тарихи Фришта, том 1, Бамбей, 1832; Бадаюни, Мулла Абдулькадир, Мулук шах. Мунтахаб ат-таварих, Калькутта, 1864; Аврангабади, шайх Нинамутдин. Муасир ал-умар, том 1, Калькутта, 1838; Leiden J. On the Roshanian sect and its founder Bayezid Ansari, - "Asiatic Researches", vol. XI, London, 1862; Бернье, Франсуа. История последних политических переворотов в государстве Великих Моголов, М.-Л., 1936; Асланов М.Г. Народное движение рошани и его отражение в афганской литературе XVI-XVII вв. - "Советское востоковедение", №5, М., 1955; Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954; Массон В.М., Ромодина В.А. История Афганистана в двух томах, т.2, М., 1965; Антонова К.А. Очерки общественных отношений строя могольской Индии времен Акбара (1556-1605), М., 1952; Усманов Ариф. Гератская культурная среда XV в. и хатакская классическая поэзия. Автореф. доктор. филол. наук; Хадим, Киямуддин, Баязид Рошан, Кабул, 1332 г.х.; Shafi M., Bayazid Ansari,

Первым, кто отметил и раскрыл сущность движения рошани, является советский ученый М.Г.Асланов³, считавший, что целью Баязида Ансари и его сторонников была не только борьба за независимость своего народа, но и за установление имущественного равенства.

Эта мысль находит дальнейшее развитие в трудах И.М.Рейснера, К.А.Антоновой и В.А.Ромодина.

И.М.Рейснер и его ученики внесли значительный вклад в дело изучения данной проблемы. В их трудах дается глубокий анализ сущности исторических и экономических явлений, характеризующих движение рошани.

Исследователями отмечалось, что движение и идеология рошани, его социальная сущность имеют много общих типологических сходств с аналогичными движениями, происходившими на Востоке и в западных странах в переходный период от Средневековья к Новому времени. Но вместе с тем оно имеет и свои специфические черты и особенности, обусловленные общественно-идеологическими факторами, которые были вызваны особыми условиями развития афганского общества того времени.

Что же касается самой литературы рошани, то она до сих пор изучена крайне слабо. Слишком скудны и противоречивы биографические сведения о рошанийских авторах. Диваны стихотворений и другие произведения большинства рошанийских поэтов пока обнаружены только в единичных рукописных списках. В деле стирания из памяти простых людей имен и произведений Баязида Ансари и других рошанийцев огромная "заслуга", несомненно, принадлежит идейному оппоненту Баязида Ансари и всех рошанийцев - Ахунду Дарвезе, который в приказном порядке требовал от людей сжигать и уничтожать произведения "еретиков"⁴.

Хотя творчество поэтов и писателей рошанийской школы привлекало внимание ученых еще в прошлом веке, тем не менее серьезные печатные сведения о жизни и творчестве рошанийцев вплоть до начала Второй мировой войны ни в Афганистане, ни за его пределами не встречаются.

- "The Encyclopaedia of Islam", vol. 1, Leiden-London, 1960; Хабиби, Абдульхай. Дъ пашто адабийѣто тарих, том 2, Кабул, 1342 г.х.; Акбар, Абдульакбар-хѣн. Рошанийѣн могило тарикийѣн, Пешавар, 1966; Кѣригар, Мухаммад Акбар. Пъ "Хѣлиѣма"ки дъ Бѣязид Рошан орфани ау фалсафи цера, Кабул, 1369 г.х. и др.

³ Асланов М.Г. указ. соч., стр. 125-127.

⁴ Дарвеза, Ахунд. Махзан ал-ислам, стр. 127;

Буквально перед Второй мировой войной среди современных ученых Афганистана одним из первых о творческом наследии рошанийцев писал проф. Абдульхай Хабиби. В своей довольно объемистой статье "Краткая история стилей поэзии пушту" он приводит лаконичные сведения о Баязиде Ансари, о поэтах-рошанийцах: Арзани Хешки, Мирза-хане Ансари, Давлате Лаванае, Василе и др. с некоторыми образцами их творчества⁵. Эта же статья в несколько дополненном виде легла в основу раздела об авторах рошанийского литературного круга, помещенном в первом многотомном коллективном труде ученых Афганистана "Афганские поэты"⁶.

Существенным вкладом в научное исследование истории, учения и литературы рошани был большой раздел о рошанийцах, помещенный А. Хабиби во втором томе своей "Истории литературы пушту"⁷.

Отметим, что в Афганистане вслед или параллельно с А.Хабиби с 40-х до нач. 80-х годов на страницах различных журналов, газет, сборников и в специальных книгах по истории классической литературы пуштунов было опубликовано большое количество обзорных статей, заметок или небольших разделов, где в той или иной степени затрагивались вопросы биографии, особенности произведений и творчества рошанийских авторов.

Следующим серьезным этапом в изучении литературного наследия рошанийцев в Афганистане был 1975 год, когда в г.Кабуле проходил специальный международный симпозиум по эпохе рошани, в работе которого приняли участие и выступили с докладами и сообщениями ученые, поэты и писатели из Афганистана, Пакистана, Ирана и бывшего СССР. Это знаменательное событие явилось важным этапом в истории изучения движения, идеологии рошани и его литературы. По случаю симпозиума афганской Академией и Кабульским университетом были впервые опубликованы диваны таких крупных поэтов-рошанийцев, как Мирза-хан Ансари, Давлат Лаванай, а также небольшой сборник новонайденных нескольких стихотворений поэта Василя Рошани. Наряду с этими публикациями было осуществлено также факсимильное издание одного из главных

⁵ Хабиби, Абдульхай. Тѣрихчѣе сабукхѣе аш'ѣре пашто, - "Кабул кѣланый", Кабул, 1319 г.х., стр. 196-199 (на фарси).

⁶ Паштанъ шуарѣ, том 1, Кабул, 1330 г.х. (на пушту).

⁷ Хабиби, Абдульхай. Дъ пашто адабийѣто тарих, том 2, Кабул, 1342 г.х. (на пушту).

произведений Баязида Ансари "Хайр ал-байан" на основе рукописи из Тюбингена (ФРГ).

В 1976 году были опубликованы материалы симпозиума под названием "Дъ Рошан йад" ("Памяти Рошана")⁸. Среди включенных в этот сборник можно особо выделить тексты выступлений и статей, непосредственно касающихся литературы рошани. Это прежде всего выступления и статьи Абдуллы Хидматгара о месте произведений рошанийцев в развитии литературы пушту, Н.А. Дворянкова о роли "Хайр ал-байана" в развитии языка пушту, Хабибуллы Рафи и Доста Шинвари⁹ о произведениях и биографии поэтов-рошанийцев.

В 1967 году¹⁰ в Пешаваре (Пакистан) вышло первое издание "Хайр ал-байана" в современной графике, которое положило начало широкому изучению этого памятника. Большой интерес в нем представляет вступительная статья крупного ученого Абдулхуддуса Касими, посвященная в основном "Хайр ал-байану". Здесь приводятся его наблюдения над текстом рукописи памятника, над архаичным лексическим пластом сочинения Баязида¹¹.

В Пакистане вышло также еще несколько работ по истории классической литературы пушту, где есть разделы, представляющие литературу рошанийцев. Это прежде всего работа Мурада Шинварая под названием "Литература Хайбара"¹² и двухтомная антология пуштунских поэтов "Исчезнувшее сокровище"¹³ Хамиша Халиля.

Творчество представителей рошанийской литературной школы интересовало и специалистов-афганистов Москвы, Ленинграда и Ташкента.

В бывшем СССР первым, кто обратил внимание и написал специальную, глубоко научную статью о рошанийской литературе, был М.Г. Асланов. Он в своей уже упомянутой статье, несмотря на весьма существенную ограниченность источниковедческих материалов, в том числе и самих произведений рошанийцев, сумел сделать важные выводы не только о характере самого движения и учения рошани, но и доказал, что существует целая литературная школа на пушту, демократическая по своей направленности и приверженная суфизму.

⁸ Дъ Рошан йад, Кабул, 1365 (на пушту).

⁹ Там же, стр. 94-108; 143-154; 155-204; 343-356.

¹⁰ Ансари, Баязид. Хайр ал-байан, тартиб, тавдин ау хавāши: Хафиз Мухаммад Абдулхуддус Касими, Пешавар, 1967 (на пушту).

¹¹ Там же, стр. 1-92.

¹² Шинвари, Мурад. Дъ Хайбар адаб, Пешавар, 1958 (на пушту).

¹³ Халил, Хамиш. Връка хазāна, в 2 томах, том 1, Пешавар, 1960 (на пушту).

Положения М.Г. Асланова о рошанийской литературе были использованы и получили свое развитие в работах его учеников, в частности, в кратком очерке А.С. Герасимовой и Г.Ф. Гирса "Литература Афганистана"¹⁴, в работах В.В. Ромодина¹⁵.

С конца 60-х годов с появлением новых источниковедческих материалов по истории движения, учения и литературы рошани в бывшем СССР заметно возрос интерес к более углубленному изучению особенностей творчества представителей рошанийского литературного круга.

В частности, в 1970 году в Москве была защищена кандидатская диссертация¹⁶. В первой главе работы речь шла об основных линиях учения Баязида Ансари, изложенного в его "Хайр ал-байане". Но это сочинение вождя рошанийцев как памятник языка и литературы афганцев XVI - нач. XVII вв. специально не рассматривался. Во второй главе основное внимание было уделено вопросам отражения суфийского учения Баязида в поэзии Мирза-хана Ансари, а также некоторым художественным особенностям стихов этого поэта.

Заметный интерес к изучению биографии и источниковедческой характеристике произведений рошанийцев и их оппонентов в лице Ахунда Дарвезы проявил ленинградский ученый В.В. Кушев в нескольких своих работах¹⁷.

В 1988 году в Москве А.Г. Матвеевой¹⁸ была защищена кандидатская диссертация по творчеству поэта-рошанийца Давлата Лаваная. В работе делается попытка раскрыть наиболее характерные мировоззренческие и художественно-жанровые особенности поэзии Давлата Лаваная.

Отметим, что обе указанные выше диссертационные работы, несомненно, внесли в свое время определенный вклад в дело изучения творчества отдельных рошанийских авторов. Но они, как уже было отмечено, также были предварительными попытками,

¹⁴ Герасимова А., Гирс Г. Литература Афганистана, краткий очерк, М., 1963, стр. 33-35.

¹⁵ История Афганистана, том 2, стр. 59-61.

¹⁶ Маннанов А.М. Суфийско-пантеистическое направление в афганской литературе XVI-XVII вв. (По произведениям Баязида Ансари и Мирза-хана Ансари). Автореф. канд. дисс., М., 1970;

¹⁷ Кушев В.В. Описание рукописей на языке пашто Института Востоковедения, М., 1976; Кушев В.В. Афганская рукописная книга. (Очерки афганской письменной культуры). М., 1980.

¹⁸ Матвеева А.Г. Диван Давлата Лаваная и формирование жанровой системы в литературе пушту XVI-XVII вв. Автореф. канд. дисс., М., 1988.

введением в изучение творчества того или иного отдельного рошанийского автора и не ставили своей целью решить все вопросы, связанные даже с самой исследуемой темой диссертации. И многие вопросы, затронутые в них, особенно теперь, в связи с обнаружением новых источниковедческих материалов и сведений, требуют обновленного взгляда, пересмотра, переосмысления, уточнения и оценки.

Глава I - "*Рошанийский литературный круг и его противники*" - содержит три взаимосвязанных и в то же время самостоятельных раздела, посвященных анализу и описанию творчества Баязида Ансари; поэтов-рошанийцев, их последователей и антирошанийского литературного течения.

В первом разделе путем библиографического описания сделана попытка осмысления мировоззренческой системы творчества одного из зачинателей средневековой афганской литературы Баязида Ансари.

Философско-религиозное мировоззрение Баязида Ансари, его нравственные принципы и литературное мышление формировалось на основе изучения, причем, в большей степени самостоятельно, Корана, знакомства паряду с этим с самыми различными религиозными верованиями и учениями, в том числе и, по мнению ортодоксов ислама, еретическими.

Но особую дань увлечения он отдал суфизму. В результате уже к началу 60-х гг. XVI столетия Баязид распространяет свое "рошанийское учение", которое к этому времени приобретает более или менее системный вид.

В диссертации прослеживаются обстоятельства, социальная логика формирования и развития рошанийского движения, причины влияния и популярности Баязида среди афганских племен.

В анналах истории есть множество примеров, когда что-то новое создают не приверженцы, а разрушители канонов. Жизнь и деяния Баязида Ансари - в их числе. Учение Баязида Ансари явилось одной из форм средневековой ереси, основу которой составила суфийская пантеистическая концепция "единобития". Это учение внутренне представляет собой довольно стройную, упорядоченную систему взглядов. Однако по способу и форме выражения оно весьма парадоксально. С одной стороны, Баязид отнюдь не стремится опровергнуть или открыто критиковать основы исламского вероучения. Более того, он все основные положения своего учения пытается вывести из Корана, из хадисов. С другой стороны, он посягает на роль наследника пророка - довольно рискованное предприятие. Он убежден, что все истинные пророки, совершенные

люди, ушли в прошлое, а ему выпала честь продолжать их миссию и направлять людей на верный путь в качестве единственного истинного духовного наставника (*пир*) и святого человека (*вали*). Он утверждает, что его книга "Хайр ал-байан" от начала до конца продиктована ему голосом Всевышнего. Он не сомневается в том, что ему Всевышним дано единоличное право на свою интерпретацию положений Корана, и он берет на себя смелость объяснить "невеждам" и "заблудшим" эзотерический, сокровенный (*бātини*) смысл исламского вероучения.

Естественно, это не могло не вызвать резкого противостояния религиозных кругов ортодоксального направления, в частности, в лице Закария Мультиани, Сеида Али Термизи, и особенно Ахунда Дарвезы. Нам представляется, что противники Баязида с самого начала поняли, что Баязид в глазах простого народа, среди основной массы племен стал солидным религиозным авторитетом правоверного суннизма, хотя по содержанию своего учения он был очередным радикальным идеологом, придерживающимся суфийской линии *вахдат ал-вуджуд*, решительно отвергнутой ортодоксами.

В диссертации всесторонне раскрываются компоненты учения Баязида:

- целенаправленная критика им общественных пороков своего времени;

- стремление доискаться до корней возникновения и причин живучести этих пороков;

- поиски путей освобождения общества (путь утопический: Баязид стремится искоренить социальные пороки религиозно-этическим путем);

- проповедование познания высшей Истины - Бога. В этом - квинтэссенция, сердцевина доктрины Баязида, его оригинальное толкование духовного совершенствования через познание Бога. Им предлагается своеобразная методика очищения, детальное описание восьми стадий: 1) *шариат*, 2) *тариқат*, 3) *хақиқат*, 4) *марифат*, 5) *курбат*, 6) *васлат*, 7) *вахдат*, 8) *сукунат*. Вступивший на путь познания Бога, как полагает Баязид Ансари, должен последовательно пройти все эти стадии и этапы, которые якобы были подсказаны ему Всевышним.

По толкованию Баязида, Бог - это неопределяемый, незримый эликсир, дух, который находится везде и во всем, он объемлет все. Благодаря проникновению этого эликсира (духа) все движется, все жизнеспособно. Но человек из-за своей невежественности, увлеченности мирскими делами этого не ощущает. Для того, чтобы он познал, ощутил свою сопричастность с Высшей Сущностью, ему

необходимо стремиться к духовному совершенствованию путем прохождения восьми стадий при непосредственном руководстве "совершенного наставника", "дабы избавиться от пороков, которыми он объят".

Баязид характеризует "Хайр ал-байан" как результат его прямых бесед со Всевышним - абсолютно исключительный прецедент в исламском мире, что дает весьма серьезное основание противникам Баязида обвинять его в ереси.

Антифеодальная и антимогольская борьба рошанийцев не ограничивалась рамками литературной полемики. Противники единоборствовали и на полях сражений. Одно из произведений рошанийской литературы - "Хал-нама" отражает предысторию и события первых вооруженных столкновений конца 60-х годов XVI в. между сторонниками и противниками Баязида. В течение дальнейшей жизни Баязид Ансари неоднократно сражался с войсками Моголов и одерживал победы. Незадолго до кончины он во главе многотысячного войска выступил против Моголов (бабуридов), но в сражении при Торраге был разбит. Ему удалось бежать, но в пути он заболел и в 980 (1572) году умер. Со смертью Баязида движение рошанийцев не распалось, напротив, оно получило еще больший размах. Вплоть до конца XIX в. насчитывалось несколько тысяч приверженцев учения Баязида Ансари.

Литературная деятельность Баязида Ансари заслуживает особого внимания не только потому, что она явилась проводником его идей, но и по той причине, что Баязид Ансари является одним из основателей пуштунской письменности и литературы, создателем крупных произведений на пушту, дари, арабском и др. языках, ставшими первыми памятниками рошанийской литературы. Человек широких взглядов, обладатель универсальных знаний, знаток многих языков, наделенный поэтическим даром, он создал произведения, великолепие и достоинства которых не отрицали даже его идейные противники.

Диссертация содержит источниковедческий и библиографический анализ всех известных на сегодняшний день произведений Баязида Ансари. Среди них "*Махсуд ал-муминин*" ("Цель правверных"), "*Сират ат-тавхид*" ("Путь к единению"), "*Хал-нама*" ("Жизнеописание"), трактат "*Дъ илм риса́ла*" ("Трактат о науке"), "*Хайр ал-байан*", "*Мактубат*" ("Послания"), "*Риса́лаи гаусия*" ("Трактат о сопутствовании") и др.

Список произведений сопровождается литературоведческим анализом, позволяющим завершить полный портрет Баязида Ансари как видного политика, философа-теолога и писателя - одного из

основоположников пуштунской письменности и классической литературы; основателя афганской школы суфизма и родоначальника движения рошани.

Вторая часть 1-ой главы диссертации "*Поэты-рошанийцы*" посвящена соратникам и последователям Баязида Ансари. Написанию этой главы предшествовали многолетние изыскания автора диссертации по восстановлению имен, поиску литературных источников. Это было сопряжено с довольно осложненными обстоятельствами, поскольку влиятельные противники Баязида Ансари приложили максимум усилий и использовали все возможные средства с целью уничтожить его творческое наследие, дабы стереть его имя из памяти потомков. Эта политика, естественно, распространялась и на соратников Ансари. Этим объясняется тот факт, что до современности ни в самом Афганистане, ни за пределами его, где функционируют центры афганистики, не было обнаружено ни имен, ни произведений рошанийцев в том объеме, чтобы можно было реконструировать целостную картину литературной эпохи рошани.

Прделана большая, кропотливая работа источниковедческого, текстологического характера, а также литературоведческая работа по идентификации стиля произведений, в результате чего вторую жизнь обрели и отчасти преданные забвению имена поэтов-рошанийцев, в числе которых Арзани Хешки, Мирза-хан Ансари, Али Мухаммад Мухлис, Васил Рошани, Давлат Лаванай, Каримдад Рошани, Халифа Модуд, Абобакр Кандахарай, Шайх Адам (Рошаний), Мир-хан Рошани, Ахунд Мия-дад, Кадир-дад и др., всего - 33 автора, в произведениях которых нашли отражение суфийско-религиозные идеи Баязида Ансари. Хотя, к сожалению, надо отметить и тот факт, что на сегодняшний день реально существуют диваны стихов и отдельные произведения лишь семи авторов, остальные представлены в источниках лишь отдельными стихотворными образцами или фрагментами из них.

Диссертация содержит обширное источниковедческое описание и детальный литературоведческий анализ произведений поэтов-рошанийцев с привлечением данных биографического характера.

Третья часть первой главы диссертации - "*Антирошанийская религиозно-суфийская и светско-историческая литература XVI-XVIII вв.*" - содержит описание, анализ и оценку представителей вышеозначенных течений. Антирошанийское феодально-клерикальное литературное течение на языках пушту и дари возглавлял Ахунд Дарвеза.

Способом сопоставления в разных ракурсах творчества Ахунда Дарвезы с творчеством Баязида Ансари раскрываются характерные особенности творчества Дарвезы и его последователей.

Идейной базой писателей и поэтов антирошанийского течения, как и у "Пирз Рошан", были ислам и суфизм. Но их понимание и толкование вероучения в корне отличалось от толкования Баязида. Дарвеза острой критике подвергает основные моменты суфийско-религиозного, пантеистического учения Баязида. Дарвеза как представитель ортодоксального духовенства и как сторонник умеренного суфизма - при всей примитивности суфийских увлечений - стремится проникнуть в еретизм Баязида и других подобных ему "рафизитов" и разгромить их идейные основы изнутри. В этой попытке он не избежал эклектизма своих теологических позиций: с одной стороны он проповедует ортодоксальный суннизм, с другой - воспринимает некоторые теологические и этические, "небезопасные", элементы суфизма, к каковым относятся, например, идея близости к Богу и путей, ведущих к этой близости - мистических стоянок (*сабр, риджэй, зикр, хауф, хвāри, тауба* и т.п.). Краеугольным камнем его умеренно-суфийских взглядов, находящихся на противоположной стороне идейных позиций Баязида, является отрицание "единобытия" в его пантеистическом толковании. По его мнению, Бога можно любить, уповать на Него, каяться Ему и поминать Его, но невозможно познать Его суть, Его субстанцию, ибо Он вне всякого разума и воображения. Он - трансцендентальная сила, творец мироздания, всех вещей, и этим - все сказано. Дарвеза смотрит на концепцию "единобытия" как на самую вредную и вероразрушительную теорию для устоев шариата. Эта мысль в том или ином виде и объеме кочует от одного его сочинения к другому.

Положения своих позиций Дарвеза изложил в своем "Махзан ал-исламе" ("Сокровищница ислама") и других произведениях.

Установлено, что ни одна из работ Дарвезы по существу не была написана им самим, без помощи, соавторства и участия его сына Абдулькарима, но тем не менее он смог утвердить себя лидером и за долгу (108 лет) жизнь приобрести тысячи сторонников.

В диссертации содержатся источниковедческие сведения о трудах Дарвезы и литературно-художественный анализ его произведений, в том числе их стилистических и ритмических особенностей в сопоставлении с произведениями Баязида.

Среди последователей Дарвезы наиболее известны Абдулькарим (Карим-дад) - сын Дарвезы, Абдулхалим, Мустафа Мухаммад, Нур Мухаммад Гульджи - внуки Дарвезы, его брат Асгар Гадай, Ахунд Ахмад, Абдуль Салам, Ахунд Касим, Мир Хусайн

Хероти. Вообще, надо сказать, что большинство представителей антирошанийского литературного течения состояло из потомков его основоположника и лидера Ахунда Дарвезы. Ни один из них не мог не только подняться, но даже хотя бы приблизиться к тем художественным высотам, жанровому разнообразию и популярности, которых достигли поэты - рошанийцы.

Своеобразную позицию по отношению к противоборствующим сторонам занимает светская литературная школа хаттаков, во главе которой стоит ее основатель Хушхаль-хан Хаттак (1613 - 1691). Он враждебен к движению и идеологии рошани и в то же время не приемлет литературную некомпетентность и примитивность Дарвезы. В исторической книге Афзаль-хана Хаттака (внука Хушхаль-хана) "Тарихи мурасса" ("История, украшенная драгоценностями") также выразились взгляды и отношения светских феодалов к движению рошани и их идейным противникам.

Глава II - "*Хайр ал-байан*" как памятник языка и литературы афганцев XVI века" - представляет собой аргументированную систему доказательств уникальности и значимости "*Хайр ал-байана*" в истории письменности и духовной культуры афганцев. Глава диссертации состоит из трех частей: 1. *Ранние сочинения на пушту и "Хайр ал-байан"*. 2. *Рукопись и строение "Хайр ал-байана"*. 3. *Стиль и язык "Хайр ал-байана"*.

Дабы утверждение "*Хайр ал-байана*" единственным в своем роде и выдающимся памятником письменности пушту XVI в. не было не обоснованным, в диссертации методом исключения через анализ материалов и сведений о ранней пуштунской письменности до середины XVI в. (т.е. до написания "*Хайр ал-байана*"), доказывается достоверность этого положения.

Автор диссертации подверг экспертизе сведения английского ученого Х.Г.Раверти (XIX в.) о произведениях шайха Мали ("*Кадастровая книга Шайха Мали*" - 1417 г.), Каджу-хана Ранизая (1494 г.) и анонимного автора ("*Сурах*" - год написания неизвестен); о "*Житии святых*" Сулаймана Маху (XIII в.), о "*Скрытом сокровище*" Мухаммада Хотака ибн Дауда из Кандагара (XVIII в.). Принимая во внимание высказывания ряда афганских и зарубежных ученых, критический обзор которых излагается в диссертации, мы пришли к выводу, что ко времени создания "*Хайр ал-байана*" на пушту не зафиксировано ни одного цельного памятника письменности, который по своему историко-культурному значению стоял бы в одном ряду с этим произведением вождя рошанийцев.

Два списка рукописи "Хайр ал-байана" имеют свою историю, включающую ряд сенсационных событий, связанных с их обнаружением, что нашло отражение в диссертации.

"Хайр ал-байан" дошел до нас в двух копиях рукописи XVII в. (1650-51 гг. и 1669 г.), что является результатом счастливой случайности, поскольку, как уже отмечалось, противниками Баязида уничтожилось все, что имело к нему отношение. Одна из рукописей обнаружена в 1959 г. в Германии, другая - в 1984 году в Индии в более полном варианте, объемом в 448 листов.

Диссертация содержит текстологическое и палеографическое описание рукописи из Тюбингена, включающее характеристику внешнего вида, объема, полноты, структуры текста, каллиграфических особенностей.

Отмечается ценнейшее достоинство произведения, которое констатировали ранние комментаторы авторского оригинала "Хайр ал-байана", заключающегося в том, что весь текст от начала до конца написан на четырех языках: пушту, арабском, фарси и пенджаби. Это обстоятельство позволяет причислить "Хайр ал-байан" к памятнику многоязычному, из которого может быть извлечена ценная информация по вышеперечисленным языкам.

Далее следует характеристика композиционной структуры и сюжетного построения произведения.

Способом изложения автор "Хайр ал-байана" избрал не повествовательную, а диалогическую форму, излюбленную при толковании религиозных догм. Основной текст, то есть само учение Баязида излагается устами Бога от первого лица на языке пушту, сам Баязид выступает как посредник между Богом и людьми и ограничивает себя лишь риторическими обращениями в виде вопросов, просьб или восклицаний к Всевышнему. Надо сказать, что диалогическая форма беседы вызвала возмущение и раздражение противников Ансари, считавших, что Баязид богохульствует, разговаривая с Богом-творцом (*халик*) и обращаясь к нему, как к равному.

Часть диссертации, посвященную стилю и языку "Хайр ал-байана", предваряет преамбула, содержащая априорные доводы поэтического мастерства Баязида Ансари, основанные на свидетельствах современников и мнениях афганских литературоведов. И хотя до сих пор не найдено ни одного отдельного стихотворения Баязида Ансари, фрагменты "Хайр ал-байана", стихотворные вставки и отрывки свидетельствуют о поэтическом даровании автора. В качестве аргументированного довода в пользу того, что "Хайр ал-байан" не лишен элементов своеобразной поэзии, в диссертации

приводится композиционный и стилистический анализ раздела, именуемый "Устрашением". Однако наличие элементов не дает оснований отнести "Хайр ал-байан" к разряду "полупоэтических", "полуарузных" произведений, как это пытаются сделать отдельные ученые, например, Хабиби. На наш взгляд, правы те ученые, которые утверждают, что "Хайр ал-байан" прежде всего "ученая", "трудная", "сверхъестественная проза". Вся звуковая и выразительная организация пуштунского текста произведения остается на уровне садж'евых чередований, словесных повторов и инверсий.

Термин *садж'* в научной литературе часто трактуется как "рифмованная проза", хотя это не совсем правильно. Дело в том, что *садж'* и рифма - это не одно и то же. По своим структурным и функциональным особенностям они имеют как сходные, так и различающиеся компоненты. Под термином *садж'* подразумевается стилистическая фигура, используемая как в прозаических, так и в поэтических произведениях, и придающая речи определенный ритм и созвучность. Наиболее удачное и адекватное определение этому термину дал французский арабист Р.Блашер, который писал: "Слово *садж'* можно приблизительно перевести как "рифмованная и ритмизированная проза".

В диссертации раскрывается терминологическое толкование разновидностей *садж'а*.

Садж' как разновидность художественной организации речи у афганцев применялся в древних фольклорных произведениях. Яркие образцы *садж'а* дают зачины афганских сказок, легенд, пословицы и поговорки, афоризмы и другие произведения устной речи.

Судя по общему уровню стиля "Хайр ал-байана", мы можем предположить, что Баязид Ансари имел определенный опыт в различных видах красноречия, тем более в искусстве *садж'а*, хотя бы потому, что самое авторитетное для мусульман произведение - Коран, значительная часть которого написана в форме *садж'*, несомненно, являлся одним из главных образцов для подражания. Да и сам Баязид не только утверждал, что "Хайр ал-байан" должен быть создан по форме Корана, но и полностью опирался на модель рифмовки и ритмизации Корана. Безусловно, садж'евая организация речи в "Хайр ал-байане" имеет отличительные черты от стиля *садж'а* Корана. Нельзя сравнить его и с садж'евой прозой многих арабских и персидских произведений средневековья, достигших степени совершенства. *Садж'* "Хайр ал-байана" во многом прост и однообразен, незамысловат и бесхитроушен. Думается, что это продиктовано не литературными вкусами Баязида Ансари, а

практическими соображениями. Подавляющее большинство крестьян, простых членов племен, к которым были обращены проповеди Баязида Ансари, были неграмотными и с трудом воспринимали сложные философско-теологические темы. Форма *садж'а* была использована Баязидом прежде всего для эффективного восприятия и мнемонических задач.

В ходе изложения Баязид использует также и иные формы ритмизации и эмфатической выразительности. В частности, важную стилиобразующую роль играют инверсии, образующие интонационно-стилистический эффект и придающие произведению неповторимое своеобразие. В диссертации рассмотрены конкретные примеры различного рода инверсий.

Стиль и язык "Хайр ал-байана" отличается довольно широкой гаммой художественно-образительных средств речи. Помимо *садж'евых* чередований, инверсализации важную эмоционально-выразительную роль играют различные виды словесных повторов, в том числе и такие устойчивые их формы, как анафора, эпифора, синонимические пары, рефрены, синтаксические тавтологии, словесные антитезы и др., имеют место употребление тех или иных видов словесно-предметной образительности, в том числе сравнений, эпитетов и гипербола.

Перечисление художественно-образительных средств речи сопровождается в диссертации их анализом на материале текста.

Стилиобразующие и образительные средства речи в совокупности с орфографическими, лексико-морфологическими, синтаксическими, историко-диалектными особенностями придают "Хайр ал-байану" своеобразный, неповторимый облик повествования.

В диссертации констатируется факт неисследованности фонетических, лексико-грамматических, диалектных особенностей языка "Хайр ал-байана", за исключением отдельных работ, наметивших пути и направления их углубленного и всестороннего исследования.

Не ставя себе задачей изучение языка памятника с точки зрения лингвистики, мы тем не менее отмечаем имеющиеся в нем языковые формы и модели, составляющие тот своеобразный историко-архаический пласт, благодаря которому язык "Хайр ал-байана" отличается от языка других сочинений последующих периодов и от современного языка пушту. Историко-архаические особенности проявляются на всех уровнях языка, а именно: фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом. Диссертация содержит анализ конкретных примеров и доводы, подтверждающие это положение. Особое

внимание уделено так называемым "рошанизмам". Привлекая мнения ученых, в частности Абдульхая Хабиби и Абдулькадуса Касими, и полемизируя с ними, диссертант дает свою этимологическую и историко-диалектную интерпретацию этому пласту лексики.

Итак, "Хайр ал-байан", уже на основе аргументации, построенной на всестороннем анализе, провозглашается уникальным творением пуштунской словесности и ценнейшим памятником идеологии и литературы рошанийцев. Баязид Ансари этим своим выдающимся произведением сделал решительный и крупный шаг в сторону формирования единого литературного языка пуштунов и тем самым явился основателем первой литературной школы и литературного стиля у афганцев. Произведения Баязида, и в особенности, "Хайр ал-байан" обогатили пуштунскую литературу XVI-XVII вв. идейно-тематической глубиной, литературно-художественным разнообразием форм и средств выражения.

Глава III - "*Мотивы и образы концепции "единобытия" в философско-этической лирике рошанийцев*" посвящена анализу воплощения философско-теологической доктрины Баязида Ансари в поэтических образах лирики рошанийцев.

Концепция "единобытия" представляет собой весьма сложную многоплановую и многоуровневую систему выражения философско-теологических, религиозно-нравственных, социально-этических и эстетических категорий, которая, трансформируясь через творчество поэтов-рошанийцев, разворачивается в великолепную панораму целого мира поэтических образов.

Идейно-тематическая направленность поэзии рошанийцев не выбивается за рамки суфийских традиций, где все темы и мотивы в многочисленных вариантах и повторах вращаются вокруг известной суфийской концепции "единобытия" и связанного с ним понятия "нет ничего, кроме бога" ("*таухид*"), т.е. "Он - есть все". Эта концепция и связанная с нею остальные темы и мотивы положены в основу учения Баязида Ансари, а через него - в поэтическую канву произведений его последователей. Содержание и поэтическая лексика стихотворений поэтов теснейшим образом связаны с сочинениями Баязида Ансари, прежде всего с "Хайр ал-байаном".

Следует, однако, отметить, что лучшие образцы поэзии рошанийцев - это не просто повторение и изложение в поэтической форме трактатно-доктринальных рассуждений в прозе учения Баязида Ансари. Поэзия рошанийцев намного шире, богаче объема и семантики учения основателя школы. Она существенно обогатила и наполнила учение Ансари в том смысле, что поэты-рошанийцы, вдохновляясь идеями Баязида и отбирая в качестве отправного

материала соответствующие баязидовские идейные концентры и языковые средства, восхищаясь весомостью и многозначностью мыслей его произведений, вместе с тем учась друг у друга, выработали и свои способы эстетизации и поэтизации пропаганды учения Баязида. И это сопровождалось интенсивным поиском, отбором и выработкой средств, различных суфийских философских терминов, символов и мотивов. Когда же им не хватало опыта в интерпретации поэтического воплощения нелегких суфийских доктрин, они обращались прежде всего к общеперсидской суфийской поэзии, которая к моменту появления рошанийской литературы выработала богатейший и оригинальный арсенал художественного выражения суфийских взглядов, ибо к тому времени создала великий океан поэзии с огромным запасом образно-метафорического и символического мира мистической духовности, значительно обогатила степень вариантности и ассоциативности тем и мотивов суфийской поэтической философии в целом.

Поэты-рошанийцы, используя опыт персоязычной суфийской поэзии, сумели обогатить рошанийские идеи различными дополнительными, компонирующими мотивами и художественным арсеналом, что естественно способствовало лучшему пониманию баязидовских исходных концептов.

Таким образом, в стихотворениях поэтов-рошанийцев отчетливо обнаруживается слияние двух начал. С одной стороны, восходящего к прозаическим произведениям Баязида Ансари, созданных сугубо трактатно-проповедническим, религиозным стилем, а с другой - к богатейшей суфийской лирической традиции на фарси.

Единство двух начал сильно повлияло и на способ презентации суфийского учения Баязида поэтами-рошанийцами, и оно находило свое выражение на двух уровнях поэтического мышления: на доктринально-метафизическом и любовном.

Стихотворения первого уровня по числу явно доминируют над любовно-суфийскими. И даже глубоко проникли в них. Это отнюдь не случайно. Для всех рошанийских поэтов, на наш взгляд, имела первостепенную важность разъяснительная, доказательная, пропагандирующая сторона вопроса. Для этого они прибегали больше всего к "открытому тексту", т.е. тексту прямого философствования в стихотворной форме о тех или иных доктринах суфизма, несмотря на то, что они (особенно Мирза-хан, Давлат, Васил, Карим-дад) превосходно продемонстрировали свое стихотворное искусство в суфийской любовной лирике с ее сложными символично-аллегорическими и метафорическими образами.

Преобладание доктринального уровня поэтического мышления, естественно, выдвинуло на первый план и концентрированное использование ими от стиха к стиху религиозно-философских терминов, лексических пластов. Поэтому в стихотворениях рошанийских поэтов этого разряда (уровня) достаточно редко обнаруживаются двузначные термины, символы из области любовной лирики суфиев.

Использование религиозно-философских терминов и понятий, вкрапленных в поэтическую ткань стихотворений поэтов-рошанийцев многократными повторами, варьированиями, способствуют выражению их суфийских доктрин, помогают внедрить в сознание аудитории и достигнуть в конечном счете поставленной ими цели.

Однако применение в широком масштабе этих религиозно-философских терминов и понятий, несущих основную нагрузку в выражении и поэтическом воплощении затрагиваемых тем и мотивов, задают основной тон и стиль изложения, придавая ему определенный прозаизм. Доминантным признаком доктринально-суфийского стиха становится философствование и назидательное поучение, толкование, разъяснение, а художественно-образная сторона, эстетический эффект стихотворения уходят на второй план, образность растворяется в ткани философских размышлений, абстракций, и часто она проявляется не путем рисования, изображения, а в виде аналогий, сравнений, метафоризации, параллелизации и символизации.

Стихотворные произведения поэтов-рошанийцев в семантическом плане многократно повторяют, дополняют друг друга и имеют большое количество вариантов. В них говорится, по сути, об одних и тех же схожих вещах, понятиях, но с определенными акцентами различия поэтических конструкций, способами поэтизации тех или иных положений.

Это обстоятельство предопределило структуру анализа поэзии рошанийцев в этой части диссертации: презентация его результатов осуществляется на основе внутренней общей семантики поэтических творений, а не по творчеству каждого поэта в отдельности.

Концепция "единобытия" у рошанийцев, как было уже отмечено, - это стройная многоплановая система. По меньшей мере можно дифференцировать следующие ее стержневые параметры: а) Бог - Истина; б) Человек в его отношениях к Истине; в) Бог и Мухаммад; г) Сердце; д) О наставнике; е) Фана и бака; ж) Позиция рошанийцев в отношении к официальным догматам и служителям культа; з) Образ Баязида; и) Социально-этические мотивы.

Такая интерпретация продиктована в результате анализа всей совокупности поэтического наследия рошанийцев. По каждому параметру, которые в диссертации выделены в отдельные параграфы, дается - с приведением обширного материала поэтических образцов из источников - многоплановый анализ выражения той или иной идеи у разных авторов с целью выявить соответствия, противопоставления, различия, которые в итоге обобщаются и резюмируются.

а) *Бог-истина*. основополагающий стержневой концепт философии "*вахдат ал-вуджуд*", сформулированный в афористичном выражении Мухлиса:

*"Если в той вещи нет Бога, и та не является вещью,
Если в той вещи нет Бога, то нет в ней той вещи"*

может служить эпиграфом для всей суфийско-пантеистической поэзии рошанийцев. Все усилия и все труды их положены на то, чтобы утвердить, раскрыть, доказать в разных вариациях этот тезис. Свои суждения и представления о Боге рошанийцы стремятся выводить из онтологических и гносеологических установок Корана, хадисов о Боге, но при этом дают свое толкование. Например, монотеистическую формулу "Нет Бога кроме Бога" они интерпретируют как "Нет ничего кроме Бога", на чем и основывается вся их концепция "единобытия". Аналогичным образом рошанийцы истолковывают и коранический мотив о близости Бога к человеку, стремясь выявить в этом мотиве некий сокровенный смысл, недоступный ни священнослужителям, ни всем остальным, кто не посвящен в секреты (*думуз*) их суфийско-рошанийского миропонимания Истины. Набор традиционных коранических эпитетов и титулов Бога они расширили различными символическими названиями и определениями. В диссертации приводятся обширный их список. Поэты-рошанийцы, если интегрировать их мысли, воспринимали Бога как великого и бесконечного, но не поддающегося никакой пространственной мерке феномена. Призывая свою аудиторию к абстракции, от стиха к стиху они прибавляли мысль: Бог - это образ нерасчленимого единства, макроуниверсального бытия; Он является одновременно главной и движущей, но невидимой силой, животельной энергией вселенной и всех тварей; Бог охватывает, объемлет все, что во вселенной от малого до невообразимо великого. Он является неизменной субстанцией (*ذات*), основой (*اصل*) всего существующего; Его субстанция, его бытие (*هستی*) никогда и ни в каких условиях не поддается изменению, не превращается из одной сути в другую; Он был и остается вечно единым в своем бытии.

В диссертации прослеживается динамика представлений о Боге: первоначально рошанийцы определяют Бога (Истину) как скрытого, непроявленного, находящегося в причудливом, загадочном, потенциальном, неконкретизированном состоянии, образно определяемый поэтами как состояние сокровищницы (*خزینة*). В этом состоянии Бог содержит архетипы всех явлений и форм Вселенной. Но вот Он (Бог), по убеждению поэтов, захотел явиться во всем величии, великолении, блеске и красоте своего божественного бытия через любовь, любознательность к самому себе. Этот мотив получил художественное воплощение и в доктринальной, и в любовной лирике рошанийцев (К примеру, одна из интерпретаций этого мотива: аллегорический образ состояния "семена" - т.е. состояние скрытности, и состояния "дерева" - раскрытости, явности. Аналогичный образ воды, океана - капли, дождя, града и т.д.). Бог, в сути которого заложено самопроявление в виде мироздания, объемлет снаружи и произывает одновременно изнутри каждую из тварных форм, и этот процесс у него происходит вечно, а поэтому Он - вечный источник, основа, корень, начало всех начал.

Все положения диссертации подтверждаются иллюстрациями поэтических образцов вкупе с литературоведческим анализом.

б) *Человек в его отношениях к Истине*. Поэты-рошанийцы, воплощая идеи сущности единства Бога, придавали особо важное значение концептам взаимоотношения Бога и человека. Они не отождествляли инобытие Бога в вещах с единобытием Бога и человека. В их восприятии, все - и на земле, и в космосе, - заполнено инобытием Бога, Он - всеобъемлющ и вездесущ, однако Его единобытие с человеком - особое, поскольку человек - самое совершенное, центральное существо из всех единств, наделенное разумом. Именно на его долю выпала честь познать Бога и соединиться с ним, воплотить в себе и сущность божества, и свою индивидуальность, чего лишены другие. Известный коранический сюжет появления человека: Бог смешал воду, землю, огонь и ветер, создал фигуру Адама и вдохнул в него жизнь - рошанийцы в разных вариациях и деталях обыгрывают в своих газелях и касыдах. Эта приверженность традиционному сюжету не мешает им быть оригинальными в выражении своих идей: человек еще до того, как появился на свет в лице праотца Адама, был закодирован в самом Боге, в Его сознании, потевции и находился там, не имея никакой определенной формы, до того момента, когда Бог, любуясь своей красотой, решил выразить и показать ее. Бог создал человека для того, чтобы проявить себя; именно поэтому Он создал его по своему

образу и подобию. Самое главное, на чем поэты акцентируют свое внимание - это изначальное единство бытия Бога и человека.

в) *Бог и Мухаммад*. Мотив о пророке Мухаммаде является одним из аспектов темы единбытия Бога и человека. Известно, что суфии пророчество Мухаммада интерпретировали согласно эманационной теории концепции "*вахдат-ал-вуджуд*". Для них феномен Мухаммада приобрел мистико-философский смысл, нежели традиционно-каноническое представление о пророке. Они считали, что "сущность души пророка была первым творением, возникшим в виде ярко светящейся точки, из которой эманировались не только "избранные души"¹⁹, совершенные люди (пророки, дервиши, святые, наставники и т.п.), но и сам первочеловек - Адам. Мухаммад является "печатью пророков", т.е. самым последним из них, тем не менее он был первотворением в божественной потенции; Мухаммад является универсальным выразителем всех божьих откровений и вдохновлений.

Движение этого сюжета воплощается в стихах рошанийцев посредством философии букв "Мим" и "Алиф", символики имен "Ахад", "Ахмад", "Нур".

В диссертации последовательно раскрывается внутренняя семантика философских категорий, символических образов, прослеживается ход мыслей того или иного поэта в реализации его замысла.

г) *Сердце*. В суфийской поэзии, создавшей культ духовного сердца, оно (сердце) предстает одновременно и зместилищем божественного, и своеобразным органом мистического познания. Согласно знаменитому хадису "Кудси" Аллах заявляет: "не небеса и не земля, а лишь сердце моего верного слуги содержит меня". По мнению рошанийцев, чистое, отполированное от всякой моральной грязи и от земных грехов, сердце человека - это престол, трон, где постоянно пребывает Бог, дом, где навечно разместился Он. Сердце - бассейн "Каусар". Сердце - дом любви; оно - зеркало, отражающее лицо Бога, и зеркало, через которое смотрит на все стороны Истина-Бог, это - гнездо драгоценного камня, т.е. Бога и, наконец, сердце есть само по себе Кааба и место духовного паломничества.

Таким образом, в поэзии рошанийцев Бог был и есть с человеком в его сердце всегда. Но вся беда в том, что человек несведущий не понимает, что в нем самом, в недрах его сердца находится изначальное сам господь Бог. Важно, чтобы человек

¹⁹ См.: Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература, М., 1965, с. 39.

осознал, что в его сердце сидит Бог, чтобы он в своих помыслах стремился к единбытию с Истиной. Если человек хоть на миг забудет о своем духовном сердце, то тут же им овладеет шейтан, сатана, который своими коварными уловками захватывает сердце человека-невежды, "отбивает" его от Бога и направляет на греховные поступки. Вообще, пока человек сам полностью не проникся божественной Истиной, в нем, по мнению поэтов, происходит постоянная борьба между сатаной и божественным духом за престол сердца. Задача человека состоит в том, чтобы он не допускал к сердцу шейтана и стремился сохранить чистоту своего сердца. Главным и эффективным инструментом очищения является "*зикр*" ("поминание"), коему посвящено большое количество стихотворений.

д) *О наставнике*. Духовные упражнения, в том числе и *зикр*, не могут совершаться без участия духовного наставника, проводника, направляющего все мысли человека к Богу и защищающего от всех соблазнов. Рошанийцы вслед за Баязидом Ансари придают статусу наставника большое значение, награждая его эпитетами *муриид* (духовный наставник), *кәмил пир* или *пир-и кәмил* (совершенный старец, наставник), *әриф* (познавший, гностик).

Наставнику предоставлена пророческая миссия вывести людей из мирской тьмы и невежества к божественному свету (*рошани*). В своих трудах Баязид Ансари недвусмысленно давал понять, что он и есть божественный наставник, а поэты-рошанийцы на все лады перепевали этот лейтмотив. В диссертации приводятся многочисленные и разнообразные поэтические образы, реализующие эту идею. Совершенный человек - это большой водалаз, и только он способен достичь в глубине сердца жемчужины - Бога и довести его до сердца ученика. Совершенный человек - это солнце познания, он воскресит мертвую душу, сердце и т.п.

е) *Фанә и бақә*. В суфийской литературе различные состояния души адепта, который под руководством проводника путем долгих и трудных духовных упражнений, доводящих до потери сознания, сумел освободиться от пут страстей, шейтанских уловок, очистил полностью свое сердце и проникся совершенной уверенностью, что вокруг него кроме Истины-Бога нет ничего другого - квалифицируются как достижение акта *фанә*. За этим актом у него немедленно происходит осознание им полного приобщения, единосушия с Богом, осознание подлинного вечного - *бақә* - единбытия с Ним через свою душу.

Поэты-рошанийцы призывают адепта не упускать миг жизни и стремиться к *бақә*, игнорируя свое эмпирическое и физическое "Я",

свою индивидуальность, чтобы всеми помыслами слиться с Богом и умереть еще до физической смерти. Он (адепт) должен сгореть, исчезнуть в Боге, чтобы возродиться в своем первоначальном субстанциональном единении в сфере божественного бытия и тем самым осуществить извечную мистическую мечту приобретения вечного божественного бессмертия.

Диссертация иллюстрирует эти положения выдержками из произведений рошанийцев, дающих великолепные образцы высокой поэзии.

ж) *Позиция рошанийцев в отношении к официальным догматам и служителям культа.* Баязид Ансари пристальное внимание уделял вопросу внутренней веры человека. В связи с этим, он, критикуя культослужителей, лженаставников за их невежественное отношение к предписаниям исламской религии, дает свое толкование основным ее догматам. Баязид отвергал часть из них как противоречащие изречениям пророка, за что и был объявлен еретиком. Так, он видел абсурд в концепте о двух мирах - о мире божьем, потустороннем, и о мире тварей. В представлении поэтов-рошанийцев также во всем мироздании царит неделимое, целостное божественное единобитие. Исходя из этого они часто отрицали образы потустороннего мира, загробную жизнь, судный день, реальность рая. Для них райское блаженство - это момент соединения с Богом. Рошанийцы тем не менее использовали коранические образы в качестве эффекта художественности, для устрашающего воздействия на психику тех, кто игнорировал единобитие Бога, а также для перестраховки от угрозы преследования.

Равенство религий перед единством Бога - тема многих стихотворений рошанийцев. Проповедуя идею одного Источника всех религий, рошанийцы рассуждали так: на уровне *фанā* и *бахā* человек доходит до сути того, что все люди, независимо от вероисповедания, происходят от одного и того же Бога, от одного Источника.

Критика исполнителей культов шарвата приводит рошанийцев к разделению людей на две группы: "особо избранных, элитных" и "простаков, чернь". В группу избранных входят духовные наставники, проводники, постигшие Истину, благородные, высоко нравственные, целеустремленные, мудрейшие, совершенные и познавшие (*кāmил*, *āриф*) и др. представители из группы особо избранных, элитных (*خارج*), которые сравниваются с "дневными звездами", "перламутром жемчужины - Бога" и т.п.

Группу "простаков" (*فلس*), по мнению рошанийцев, представляют муллы, мухтасибы, ва'изы, хатибы, лжешайхи и т.п.,

которые при народе показывают набожность, а на самом деле далеки во всех отношениях от Бога. Все персонажи экзотерической веры становятся объектами черных красок, саркастической иронии, насмешки, критики и награждаются всевозможными сатирическими эпитетами: "двуликий", "лицемер", "вор", "обладатель мертвой души" и т.п. Рошанийцы создают великолепные сатирические образы алчных, лицемерных, корыстолюбивых, завистливых невежественных функционеров от шарвата - сотни бейтов и строк, которые вызывали у слушателей антипатию и презрение к этим лицам.

Сатирические традиции рошанийцев были впоследствии подхвачены и весьма развиты великим поэтом-классиком Хушхальханом и его литературной школой.

з) *Образ Баязида.* Светлый лик учителя преподносится поэтами-рошанийцами не только как олицетворение истинного, совершенного человека, великой духовной личности, но и как противопоставление схоластам, буквоедам, "молокососам", двуликим и невежественным функционерам.

Если суммировать наиболее общие и показательные моменты стихотворных строк рошанийцев о своем учителе, то в целом они сводятся к тому, что Баязид Ансари:

- продолжатель дела пророков, он - наследник, сын пророка;
- самый совершенный человек (*кāmил*), святой старец, путеводитель, духовный отец, наставник, показывающий самый верный путь к Истине;
- светоч, освещающий путь заблудившихся во мраке (*тāрики*) мирской суеты;
- он - познавший (*āриф*) суть единобития Бога и сам слившийся с ним и ставший затем вечной частицей Бога;
- его сердце - плод божественных тайн, истинной веры и поэтому его учение не противоречит основам учения пророка и Корана;
- он - ученый, знающий тайны всех религий; он мудр, как Аристотель;
- он - справедливый и добрый друг, покровитель нищих, сирот, беспомощных;
- его книга "Хайр-ал-байан" спущена с неба, это - Божья книга.

я) *Социально-этические мотивы.* В радикально-оппозиционном направлении суфизма всегда присутствовал тип социального протеста существующему режиму и обществу сильных мира сего. Своеобразие протеста заключалось в сочетании двух концептуальных начал: идеи равенства людей перед Богом и добровольного культа бедности.

Относительно умеренно мотивы социального протеста отразились в творчестве Арзани и Каримдада. Критике общественных пороков они предпочитают восхваление бедности и осуждение алчности и стяжательства. Поэт Васил не ограничивается осуждением, а пытается доискаться до первопричины, развивая тему борьбы добродетели и порока в человеке. Довольно резко поэт Васил выступает против деспотизма и насилия. Однако наиболее остро и злободневно эти мотивы звучат в стихах Мирза-хана, Мухлиса, Давлата. Идея равенства людей перед Богом в их творчестве связана с концепцией единобытия, являясь ее наивысшим социальным выводом. В поэтических произведениях эта идея выразилась множеством вариантов через самые разнообразные поэтические образы, конкретные примеры которых проанализированы в диссертации. Вариации мотивов культа бедности также многочисленны и многообразны: богатство, роскошь, мирские забавы - вещи тленные. Вечна только Истина; самое лучшее богатство - свидание с Истиной через бедность. "Дервиши - цари веры", "Люди, владеющие богатством - бедные" и т.п.

Обличение таких пороков, как лицемерие, стяжательство, развращенность, жадность и т.п. переходит в открытую критику социальных устоев общества, в протест против угнетения, притеснения, насилия и тирании. Всем тиранам и деспотам они предрекают жестокую расплату и мучения от божьей кары.

Замечательно то, что проповедуя душевную гармонию соединения с Истиной-Богом, идею достижения равенства всех людей, поэты-рошанийцы не уводят людей в безропотный мир самосозерцания, но протестуют против жестокой действительности, насилия, и критика их имеет конкретный адресат - власть имущих. Их поэзия пронизана воинствующим духом протеста и высоким стремлением избавить обездоленных от произвола и тирании.

Глава IV - "Основные жанры рошанийской поэзии". Классификация и изучение особенностей жанров рошанийской поэзии имеет важное научно-теоретическое значение прежде всего потому, что поэты-рошанийцы были первыми авторами, ориентировавшимися в столь широком масштабе на эстетические принципы таких стихотворных форм, как газель, касыда, рубаи и другие, заимствованные ими в первую очередь из богатейшего художественного арсенала персоязычной поэзии. Конечно, ясно то, что сам процесс усвоения поэтических жанров, внедрения и трансплантации их из одной среды в другую иноязычную среду не

сводится только к наполнению готовых образцов средствами того языка, на котором они воссоздаются.

Это весьма сложное и кропотливое дело, несомненно, требовало от поэтов-рошанийцев не только большого труда и постоянных поисков, но еще и обязательных для всех них навыков, в том числе: а) глубокого знания языка фарси и знания литературно-художественных возможностей родного языка; б) всестороннего знакомства со всей предшествующей мусульманской литературной традицией, в том числе: арабо-персидской поэтикой; особенностями суфийской поэзии и философии, распространенных в Индии, странах Ближнего и Среднего Востока; в) проникновенного знания и владения опытом стихотворчества родной устной поэзии.

Все многообразие жанров рошанийской поэзии можно условно разделить на две группы: а) жанры, типичные для всех поэтов-рошанийцев: *газель, касыда, рубаи*; б) жанры, характерные для того или иного поэта; *маснави, қитъа, мухаммас, муназаре, таркиббанд*.

В творческом наследии поэтов-рошанийцев господствующее место занимает *газель*, что нашло отражение и в настоящей работе - этому жанру уделено наибольшее внимание. Диссертация содержит библиографический обзор, теорию жанрового своеобразия газели, краткую историю ее развития как жанра в литературах народов Востока. Последовательно дана развернутая типологическая характеристика структуры и форм выражения изобразительных средств этого жанра.

Популярность газели в поэзии рошанийцев можно объяснить тем, что газель была наиболее известным, доступным широкой аудитории жанром лирики, удобным по объему, гибким по форме; к тому же газель, по традициям суфийской поэзии, не только читалась, но и пелась в сопровождении музыкальных инструментов, дабы усилить силу воздействия отстаиваемой идеи.

Длительная история эволюции газели в литературе народов Востока была предметом внимания таких ученых как Мирзоев А., Бертельс Е.Э., Крачковский И.Ю., Брагинский И.С., Каххарова Н., Давлатов М., Ворожейкина З.Н., Пригарина Н.И., Османов М.Н., Самадов Т., Рейснер М.Л., Афсахзод А., Саъдий А., Хайитметов А., Маджиди Р., Маллаев Н., Рустамов Э., Исахов Я., Арзибеков Р., Туйчиев У., Насыров А., Камалов Д.Ж., Рахманов В., Шайхзаде М., Иброхимова С., Шамухамедов Ш.М., Шарипов Ш., Иванов С.Н., Стеблева И.В. и др. В их трудах прослеживается большой путь художественно-поэтического совершенствования газели, которая уже в XII-XIII вв. канонизировалась в дошедшем до современности виде.

Первоначально газель развивалась на арабской и персидско-таджикской почве, а с XIII в. была воспринята и другими литературами; в афганской литературе она зафиксирована на рубеже XIV-XV веков²⁰.

Сопоставив источники и литературоведческие исследования, мы пришли к выводу, что располагаем всего семью газелями дорошанийских поэтов пушту XV-XVI веков.

Дальнейшая эволюция и бурное развитие газели в литературе пушту непосредственно связано с творчеством рошанийских поэтов. Им принадлежит заслуга полной адаптации этого жанра на афганской поэтической почве, утверждения ее и развития до положения главенствующей поэтической формы в литературе афганцев.

Идейно-тематические тенденции суфийско-доктринального характера поэзии рошанийцев повлияли на весь процесс трансформации жанра газели в их творчестве. Претерпели изменения композиционная структура, объем, внешняя форма, лексико-семантическое наполнение и т.д. Любовно-эротическая тематика сменилась философско-теологическими и религиозно-правственными размышлениями, направленными на поэтизацию идей Баязида Ансари. Естественно, что эти размышления не всегда укладывались в рамки традиционного объема газели (9-13 бейтов), почему рошанийцы и тяготели нередко к 16 -, 18 -, а то и 21 - бейтовой газели.

В специальных работах, посвященных изучению внешней и внутренней формы газели, ученые спорят о ее композиционной структуре.

У рошанийских поэтов преобладает монотематический тип газели. Смысловая связь между бейтами в них от начала до конца сохранена довольно полно, но очень часто слабо представлена единая сюжетная линия. Это объясняется тем, что разъяснительно-проповеднический замысел требует различных доводов, реминисценций религиозно-дидактического, философско-теологического характера. В качестве примера в диссертации приводится сюжетная газель из дивана Мирза-хана Ансари, сопровождающаяся литературоведческим анализом. В качестве бессюжетного вида газелей рошанийцев приводится газель Давлата Лаваная. Отмечается роль *редифа* как вспомогательного элемента художественности. У поэтов-рошанийцев почти половина газелей написана редифом.

²⁰ См. подробнее: Маннанов А.М. О возникновении жанра газели в афганской литературе. - Журнал "Общественные науки в Узбекистане", Ташкент, 1968, №11, с. 67-69.

Известно, что газель в результате своей эволюции породила несколько модификаций. В частности, узбекский поэт О. Насыров выделил девять²¹. В поэзии рошанийцев нам удалось выявить всего шесть типов (модификаций) газелей. Самыми многочисленными и популярными являются обычные газели. Встречаются газели типа *газали хусни матла* (аа, аа, ба, ва, га и т.д., а также типа "аб, вб, гб, дб...), Поэт Мухлис создал несколько газелей - обращений к Богу с рифмовкой (аааа, аааа, аааа и т.д.), т.е. каждая строка как внутри, так и в конце имеет два последовательно рифмующихся слова. Следовательно, в одном бейте таких слов-рифм получается четыре. Создание подобного рода газелей требовало большого мастерства. Среди газелей рошанийцев есть несколько типов с внутренней рифмовкой, особо распространенный из них - "*газали мусаджжа*":

..... а	..... а
....а.... а	..... а
....б.... б	или .....б....б
....б.... а	..... а
....в.... в	..... в.... в
....в.... а	..... а

и т.д.

Такие газели отличаются мелодичностью и приближаются к народно-песенным стихотворениям.

Говоря об идейно-тематической направленности газелей, следует отметить, что наряду с суфийско-философскими, религиозными газелями рошанийцы создали немало газелей дидактико-назидательного, сатирико-юмористического, биографического, социально-обличительного, любовного характера. Конечно, классификация эта носит условный характер, поскольку зачастую в одной газели можно обнаружить элементы, детали, отдельные мотивы и суфизма, и религии, и сатиры, и любви, и вина и т.д.

Таким образом, газель в поэзии рошанийцев как стихотворная форма с ее наиболее распространенными разновидностями и вариантами была освоена, "пуштунизирована" полностью и стала одним из мощных инструментов поэтического воплощения и воспеваания идей Баязида Ансари.

Поэты-рошанийцы наряду с газелью заметное внимание уделяли и другому жанру - *касыде*. Точно не установлено, когда впервые были сложены авторские (не фольклорные) касыды в

²¹ См.: Насыров О. Узбек адабиётида газал. Тошкент, 1972, с.63-67.

литературе пушту. Проф. А.Хабиби со ссылкой на "Скрытое сокровище" утверждает, что они были созданы в XI-XII вв. шайхом Асадом Сури (XII в.) и Шкарандоем (XII в.)²².

Других материалов и источников по этому поводу не имеется, и поэтому мы считаем родоначальниками пуштунских касыд рошанийских поэтов, создавших довольно значительное число этого рода произведений. К примеру, Давлат Лаваная написал 22 касыды общим объемом в 1076 бейтов, всего мы имеем 47 касыд (2012 бейтов) рошанийцев.

Касыды рошанийцев, как и все остальные жанры, подчинены логике пропаганды и разъяснению учения рошани. Отсюда и новаторские преобразования в структуре, где нет ни лирического вступления, ни восхваления, ни заключения. Восхваления у рошанийцев допускались к Богу, к пророку, к Баязиду и отдельным участникам движения рошани. Идеино-тематическое содержание их касыд, за исключением единичных образцов, носят религиозно-коранический, суфийско-пантеистический, социальный характер.

Далее, в диссертации анализируется следующий вид популярной восточной поэзии - *рубайи* (четверостишие). В создании своих четверостиший поэты-рошанийцы, несомненно, опирались на традицию и опыт средневековой персоязычной поэзии. Однако задачу рошанийцев облегчил и фактор устной поэтической традиции - ведь именно в фольклоре пуштунов испокон веков существует несколько типов четверостиший: *рубайи*, *мурабба* (*цалоридз*), *чарбайта* и др.

В рубаятах рошанийцев повторяются те же темы и мотивы, что в газелях и касыдах. Но нет в них хайямовского гедонизма, его философии о всемирном круговороте и афористической, житейской мудрости. Определенной части их четверостиший присуща тематическая циклизация, т.е. группировка определенного количества четверостиший вокруг одной темы, например, восхваление могущества Всевышнего; пророческая миссия Мухаммада и т.п. Прибегая к такой циклизации, поэты-рошанийцы путем "измельчения" общей темы и раскрытия ее определенных элементов - мотивов в отдельных четверостишиях добивались эффективного внедрения конечного смысла темы в сознание слушателей или читателей.

Но, с другой стороны, построение в цепочный ряд целой группы четверостиший вокруг одной темы создавало впечатление, что читатель имеет дело не с четверостишиями, а с определенными

²² См.: Хабиби, Абдулхай. Қасида пь пашто адаб ки, Кабул, 1352 г.х., с.17, 26 (на пушту).

полистрофическими произведениями, которые состояли из монострофических четверостиший.

Все вышеперечисленные стихотворные формы-жанры наиболее распространенные и типичные для творчества почти всех поэтов-рошанийцев. Но есть и такие поэтические формы, которые не являлись для всех их общими, а проявились в поэзии лишь того или иного рошанийского поэта. Среди поэтов-рошанийцев наиболее плодовитым в жанротворчестве оказался Давлат Лаванай. Помимо газелей, касыд и рубайи он первым в литературе пушту заимствовал из персоязычной поэзии такие формы, как *маснави* и *китъа*. В диване Давлата мы встретили три длинных маснави и двадцать девять китъа. Но Мирза-хан тоже не остался в стороне от того, чтобы не претендовать на пальму первенства в создании новых, еще не апробированных в литературе пушту, поэтических форм. Правда, его усилия в этом направлении были незначительны. Тем не менее, именно он сумел впервые создать на пушту, хотя и единичные, стихотворения, как *мухаммас* (пятистишие) и *мунъазре* (стихотворение-диспут-диалог), основанное на базе строфической формы *таркиббанд*. Имеет единственный мухаммас и поэт Васил.

В диссертации подробно анализируются структурно-художественные, тематические особенности этих видов поэзии в творчестве рошанийцев.

Таким образом, в творчестве поэтов-рошанийцев впервые основательно были внедрены известные поэтические формы и жанры, выработаны характерные черты их поэтики, что благоприятно способствовало дальнейшему бурному развитию и обогащению этих поэтических форм в творчестве последующих поколений пуштунских поэтов-классиков XVII-XVIII вв.

Глава V "*Вопросы метрики стихотворений поэтов-рошанийцев*" посвящена исследованию ритма и метрики рошанийского стиха.

Метрическая структура пуштунской поэзии, как средних веков, так и современной, по существу и в достаточной степени до сих пор не исследована. Не разработаны теоретические основы и метрические модели ритмики пуштунского стиха, на базе которых можно было бы определить ритм и метрику того или иного поэтического произведения рошанийцев, да и не только их. Имеющиеся касательно этих проблем материалы не дают ясного представления о том, какую из систем стихосложения таит в себе вся многовековая поэзия афганцев, тем более, что эти разработки не опираются на предварительное изучение поэтического текста.

По вопросу ритмико-метрической квалификации пуштунского стиха в диссертации предлагается краткий обзор мнений ученых-афганцев: А.Хабиби, А.Бенава, Н.М.Шакира, Д.Маккензи, Н.А.Дворянкова, А.Рашада, чьи точки зрения классифицированы следующим образом:

- 1) Вся пуштунская поэзия, независимо от того, фольклорная или письменная - основана на силлабической системе стихосложения; она чужда арузу;
- 2) Стихотворения пушту следуют скандировать по силлаботонической системе стихосложения;
- 3) В пушту имеется небольшое количество стихотворений поэтов, написанных арузом и не исключается возможность еще проскандировать определенное количество стихотворений поэтов прошлого его же размерами.

Как видно, единства во мнениях по вопросу о том, что считать единицей ритмических основ пуштунского стиха - как фольклорного, так и индивидуально-авторского, - нет.

В диссертации предпринята попытка выяснить, на каких ритмико-метрических началах была построена поэтическая речь рошанийцев, к какой из систем стихосложения следует отнести их стихотворения, предварительно определив, в какой степени смогли поэты-рошанийцы использовать поэтику аруза, а также его метрику в своем творчестве.

Под термином "аруз" или "аруд" средневековые арабы подразумевали науку о критериях различия и правилах определения стихотворных метров. Однако впоследствии у афганских литературоведов он стал употребляться в двух терминологических значениях: в узком смысле он обозначал учение о метрах и размерах стиха, а в широком - аруз включал и включает три учения поэзии Востока (о метрах, о рифме и поэтических фигурах), а также понятия о жанровых формах, стилях.

И если термин "аруз" применить к поэзии рошанийцев в расширенном его значении, то можно утверждать, что рошанийцы без особых затруднений смогли использовать, применять в своем творчестве учение о рифме, о поэтических фигурах и о жанровых формах. Что же касается самой метрики аруза, которая относится к квантитативно-количественной системе стихосложения и в которой ритм вытекает из равномерного и последовательного чередования долгих и кратких слогов в стопах и стиховых рядах, то абсолютное большинство стихотворений поэтов-рошанийцев не поддается правильному, безнасильственному скандированию по арузу. Для

подтверждения этого тезиса в диссертации излагаются результаты скандировки по принципам арузной метрики.

Что же мешало поэтам прошлого, в том числе и рошанийцам внедрить в свою поэзию размеры аруза? На этот вопрос в свое время вслед за Абдурауфом Бенава пытался ответить Н.А.Дворянков. Он в качестве основных барьеров, препятствовавших внедрению метрики аруза в поэзию пушту, видел, во-первых, в типологическом отличии языка пушту от арабского и персидского языков. В частности, он утверждал, что элементы, составляющие стопы аруза - *сабаб*, *ватад*, *фāсила* - отличаются от пуштунской слоговой системы. Во-вторых, по его мнению, в пушту существует силовое, экспираторное ударение подвижного, нефиксированного типа, и наконец в-третьих, в пушту - "иное противопоставление гласных по долготе"²³. Нам эти аргументы, отчасти, представляются спорными, в частности, - относительно квантитативного, количественного различия слогов в пушту и арабском. Практика стихосложения тюркоязычных поэзий убедительно доказала, что это препятствие не является принципиальным. Аналогичным образом можно говорить и о преодолении проблемы ударения в пушту, являющимся не только подвижным и свободным, но и постоянным.

На наш взгляд, Н.А.Дворянков прав в том, что барьером является то обстоятельство, что в языке пушту наличествуют в избытке слоги типа ССГ, ССГС, ССГСС, СССГС и др. комбинации. Стечение согласных звуков (типа *кхе*, *зрѣ*, *кльк*, *хкѣр* и др.), чего почти не имеется в языках, где основная форма метрики поэзии - аруз, является существенным фонетическим барьером. Далее, к разряду барьеров можно отнести и обилие в пушту различных одно- и краткосложных служебных слов: послелогов, местоимений, энклитик, союзов и т.д.; наличие огромного количества значащих слов с краткими слогами. Вот почему пуштунские поэты, которые стремились применить арузные размеры, вынуждены были привлекать всевозможные арабизмы и фарсизмы, что, по нашему мнению, было единственно реальным выходом в усвоении и внедрении аруза в поэзии пушту. Именно этот путь был выбран теми поэтами, которым удалось создать некоторое количество стихотворений на арузе. В диссертации в подтверждение этого анализируются стихотворения поэтов прошлого.

Таким образом, результаты исследования показывают, что рошанийцы, как и другие афганские поэты прошлого, в своем

²³ См.: Дворянков Н.А. Предпосылки и пути усвоения аруза в пашту. - Семитские языки, вып. 2, (ч.2), М., 1965, с.728.

И если данные предыдущих исследований можно было считать в какой-то степени гипотетическими, то результаты этого эксперимента окончательно подтвердили решающую роль словесного ударения в образовании ритмики поэзии пушту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Раннеклассическая литература афганцев на языке пушту, представленная в основной своей массе и наиболее ярко рошанийским литературным движением, формировалась на основе становления феодальных отношений, в процессе освободительной борьбы народных масс против местных и чужеземных правителей, что придало ей демократическую окраску, а это в свою очередь предопределило развитие соответствующих этой окраске тенденций афганской литературы в последующие ее периоды.

Идеологическая борьба выявила и размежевала два магистральных направления в пуштунской литературе: феодально-клерикальное, возглавляемое представителем официальной религиозной ортодоксии Ахундом Дарвезой, и рошанийское, основателем и предводителем которого явился Баязид Ансари, проповедующий суфийско-теологическое учение антифеодальной направленности. Рошанийское направление явно доминировало как по своему размаху, так и по значимости и уровню литературно-художественных произведений. Эти направления явились теми истоками, которые питали, и в русле которых развивались основополагающие традиции афганской литературы.

В том, что именно движение рошани возглавило антифеодальную и антимогольскую борьбу, есть своя закономерность. Учение Баязида Ансари, представляющее собой суфийско-пантеистическую концепцию "единобытия" (вахдат ал-вуджуд), было основано не только на суфийской философии еретического толка и на мистических умонастроениях, но имело и социальные корни. Социальная направленность учения Баязида явилась одной из тех решающих предпосылок, благодаря которой проповеди Баязида нашли отклик в самых широких слоях населения и увеличили число его сторонников.

Оно (учение) подпитано реальными истоками, но в сочетании с утопическими идеями. Демократизм Баязида в большей мере зиждется на критике социального неравенства, общественных пороков, нравственных устоев власть имущих, к которым Ансари открыто обращается в своих произведениях и выступлениях. Утопизм устремлений Баязида Ансари, убежденного, что пороки общества

происходят от ошибок в понимании изначальных повелений Всевышнего, от извращения сути учения Корана, приводит его к религиозно-этическому пути избавления общества от этих пороков. Казалось бы, утопические идеи могли разочаровать многих. Однако этого не случилось. Идеи, взгляды, изложенные в концепции "единобытия", были созвучны умонастроениям простых людей. И это солидаризировало народ с устремлениями Баязида. А уж то, что он давал конкретные рецепты избавления от зла путем прохождения восьми стадий постижения божественной Истины, сопровождая их детальным комментарием, могло окончательно убедить окружающих примкнуть к нему. Какого страждущего не привлекали радужные миражи избавления, будь они и утопическими?!

Несмотря на то, что Баязид Ансари в своей концепции был очередным радикальным идеологом, простым народом он был воспринят как непререкаемый авторитет правоверного сунизма. Нельзя не отметить и того факта, что огромную роль в завоевании доверия у народа сыграла сама личность Баязида Ансари. Одержимый верой до аскетизма, до самопожертвования; интеллигент, владеющий несколькими языками; великолепный знаток Корана; умудренный жизненным опытом человек, хорошо ознакомленный с буднями и трудностями жизни племен благодаря своим многочисленным путешествиям и паломничествам; бесстрашный воин, способный на склоне лет взять в руки меч и повести на битву огромное войско против могущественного иноземного правителя; тонкий психолог и, наконец, человек, воплотивший все свои таланты в литературном творчестве с целью довести до широких масс свои идеи, он был яркой, незаурядной личностью, лидером по натуре. Такой человек, как Баязид Ансари, не мог не быть популярным и не собрать вокруг себя себе подобных - талантливых, самоотверженных. Движимые высокими стремлениями, вдохновляемые своим идейным наставником, раззадоренные в пылу полемики с противоборствующими оппонентами, рошанийцы своими поэтическими произведениями по силе слова, художественной выразительности во многом превосходили своих литературных и идейных противников - представителей ортодоксально-клерикальной литературы, ни одного из которых даже близко нельзя поставить в один ряд с рошанийцами.

Бурному развитию рошанийской литературной школы способствовало наряду с целым рядом предпосылок и то обстоятельство, что перед поэтами-рошанийцами стояла ясная, четкая, видимая и определенная цель - пропаганда благородных идей Рошани по вызволению общества из "мрака мирской жизни".

Всесторонний анализ литературного наследия рошанийцев позволяет утверждать, что и сам Баязид Ансари и его приверженцы - поэты-рошанийцы целеустремленно, последовательно и неуклонно, кто более талантливо, а кто - менее, но со знанием дела и глубокой убежденностью в своей правоте, стремились воплотить как можно полнее идеи доктрины Баязида в многочисленных поэтических образах и мотивах в самых различных жанрах и стилях.

Стройная, многоплановая, многоаспектная доктрина Баязида Ансари нашла свое идеальное воплощение в его главном труде "Хайр ал-байан", жанр которого, форму повествования, стиль, лексику, художественно-выразительные средства, язык, - одним словом, все он подчинил стремлению довести до самых широких масс сложнейшие философско-суфийские идеи.

Рошанийцы понимали (в этом их заслуга огромна), что поэтизация сложнейших суфийско-философских тем, выражение их в малых лирических формах позволит с большим успехом покорить умы и сердца слушателей - простых, неграмотных людей. В результате на смену сухому дидактизму и прямому морализированию приходит услаждающая слух поэзия Арзани, Мирза-хана Ансари, Мухлиса, Давлата Лаваная, Карим-дада и других поэтов-рошанийцев, выражавших суфийско-пантеистические идеи на двух уровнях поэтического мышления: на доктринально-метафизическом и любовном, причем первый явно превалирует. Однако надо отметить, что поэзия рошанийцев - это не просто изложение в поэтической форме доктрины Баязида. Поэзия рошанийцев намного богаче и шире объема и семантики учения основателя их школы. Поэты-рошанийцы, разрабатывая известные суфийские темы и мотивы о Боге-Истине, о человеке в его отношении к Истине, о пророке Мухаммаде, о месте сердца и наставника на пути к совершенствованию, о смысле жизни и смерти, идеалов вечности, о высоких духовных качествах совершенного человека, опирались на колоссальный опыт персоязычной суфийской поэзии, и тем самым обогатили рошанийские идеи различными композиционными мотивами и художественным арсеналом. Каждый из поэтов рошанийцев в пределах своего поэтического опыта и таланта стремился прибегнуть к различным образным конструкциям, к использованию различных художественно-стилистических приемов поэтической речи и образов. В своих стихотворениях они тяготели к принципу эстетики проповеди. Мастера слова прекрасно владели всей суфийской метафорической поэзией и смогли доходчиво воплотить глубочайшие философские и религиозно-суфийские мотивы, как в традиционных, так и в оригинальных образно-метафорических красках. Литературная

и общественно-политическая деятельность рошанийцев была своеобразным симбиозом, где каждая из сторон взаимостимулировала, взаимообогащала, импульсировала и развивала другую.

Весьма сложную и кропотливую работу проделали поэты-рошанийцы по внедрению, трансплантации и созданию в широком масштабе таких стихотворных форм, как *газель*, *касыда*, *рубай* и *маснави*.

Основную часть их диванов наполняют газели, первые образцы которых в поэзии пушту появились на рубеже XIV-XV вв. Но дальнейшее бурное развитие газели, да и всех других основных жанров классической поэзии пушту, непосредственно связано с творчеством рошанийских поэтов.

Они не только первыми в столь широком масштабе использовали на родном языке эти поэтические жанры, но и сумели сформировать и утвердить их в различных художественных модификациях и подвидах. Например, в их поэзии можно обнаружить более шести типов газелей, которые впоследствии в поэзии поэтов-классиков пушту XVII - нач. XVIII вв. (в первую очередь в творчестве Хушхаль-хана Хаттака, Абдурахмана Моманда и Абдульхамида Моманда) получили высочайшее художественное звучание.

Поэзия рошанийцев дает очень большой исходный материал и для изучения ритмической структуры классической поэзии пушту. Ведь именно поэты-рошанийцы первыми столкнулись с ритмической природой и потенциями родного языка, а потому стремились применить в поэзии пушту арабо-персидскую поэтику, в том числе и метры аруза. Но фонетическая природа языка пушту в корне отличается от фонетических особенностей тех языков, где была применена квантитативно-метрическая система ритмообразования, куда входит и *аруз*. Поэтому в их творчестве можно обнаружить лишь незначительные "опытные" образцы арузных стихотворений, а абсолютное большинство своих стихотворений поэты-рошанийцы написали в ритмах силлаботонической системы стихосложения.

Опираясь на устную народную поэзию, обогащаясь персоязычной классической литературой и суфийской философской поэзией, творчески используя арабо-персидскую поэтику, рошанийцы оказали основополагающее воздействие на развитие самобытных поэтических традиций афганцев, на формирование единого литературного языка пуштунов и тем самым подготовили фундамент и благодатную почву дальнейшему бурному развитию литературы пушту. Однако решающая, кардинальная заслуга в этой миссии принадлежит Баязиду Ансари и его шедевр "Хайр ал-байан" -

ценнейшему памятнику идеологии и литературы рошанийцев. Сообразно заслугам цивилизованный мир признал Баязида Ансари выдающимся мыслителем и реформатором, общественным, религиозным деятелем, писателем и предводителем народных масс.

Настоящее исследование - первая попытка в отечественной и зарубежной афганистике специального изучения жизни и творчества поэтов и писателей-рошанийцев и реконструкции всей истории довольно крупной, а главное - первой литературной школы на пушту. И проделанную работу, и сделанные нами выводы никак нельзя отнести к разряду исследований, окончательно поставивших все точки над "Г" и "закрывших" проблему окончательно.

Напротив, в итоге мы пришли к убеждению: для подробного, всестороннего и окончательного разрешения затронутых нами проблем и других вопросов, связанных с рошанийской литературой, но не исследованных нами (особенно в части суфийской любовной лирики, проблем эстетики метафорического мышления рошанийских поэтов и целого ряда других вопросов, связанных с региональными общекультурологическими вопросами эпохи) потребуется труд целого ряда исследователей-востоковедов-афганистов.

Тем не менее на основе проделанной работы нами получены определенные результаты, которые, на наш взгляд, могут быть использованы в дальнейших исследованиях как по рошанийскому периоду, так и по созданию научной истории пуштунской классической литературы в целом.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ АВТОРОМ ИЗЛОЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ

1. Маннанов А.М. - У истоков пуштунской классической литературы (монография), Изд-во "ФАН", Ташкент, 1994, 10 п.л. (Рецензии на эту монографию см.: Кадыров Р., - "О связи времён", газета "Народное слово", от 18 мая 1995 года; Исмоил Бежон - "Ишқ ила равшан Тариқат", газета "Ўзбекистон адабиёти ва санъати", от 15 сентября 1995 года; Хурийд Дўстмухаммад - "Боязид Ансорийини танидик", газета "Миллий тикланиш", от 5 декабря 1995 г.; Усманов А., Хамагаев А. Крупный вклад в афганистику. - Журнал "Маяк Востока", №1-2, 1995 год, стр. 158-163).
2. Маннанов А.М. - Газель в литературе пушту. Журнал "Ариана" (Орган Исторического общества Академии наук Афганистана), №288 Кабул, 1349 (1971) год, стр. 76-79).
3. Маннанов А.М. - Баязид Ансари; Мухаммад Хотак. В кн.: Основные произведения иностранной художественной литературы (литература стран зарубежного Востока), М., 1975, стр. 42-43; 43-44; 46.
4. Маннанов А.М. - Движение рошани и поэзия Мирза-хана Ансари. Журнал "Кабул", (Орган Академии наук Афганистана), №12 (658), Кабул, 1353 (1975) год, стр. 39-50.
5. Маннанов А.М. - О диване Муллы Арзани. Журнал "Пашто" (Орган Академии наук Афганистана), том 5, №1, Кабул, 1360 (1981) год, стр. 77-87.
6. Маннанов А.М. - О некоторых жанровых особенностях газелей поэта-рошанийца Мирза-хана Ансари. В кн.: "Востоковедение" (Литературоведение) Сборник научных трудов ТашГУ, № 564, Ташкент, 1978, стр. 3-11.
7. Маннанов А.М. - К характеристике ранних памятников пуштунской литературы. В кн.: "Востоковедение" (Литературоведение). Сборник научных трудов ТашГУ, №589, Ташкент, 1981, стр. 23-34.
8. Маннанов А.М. - К истории изучения "Хайр ал-байана" Баязида Ансари. Журнал "Пашто" (Орган Академии наук Афганистана), том 4, №3, Кабул, 1981, стр. 97-114.
9. Маннанов А.М. Или Мухаммад Мухлис и его диван из Британского музея. Журнал "Пашто", (Орган академии наук Афганистана), том 7, №1-2, Кабул, 1362 (1983-84) год, стр. 76-91.
10. Маннанов А.М. - Арзани и его стихотворения. В кн.: "Востоковедение" (Сборник научных трудов ТашГУ), Ташкент, 1984, стр. 3-13.

Учинчи боб - "Рўшанийларининг фалсафий-ахлоқий лирикасида "ваҳдати вужуд" таълимотининг мотивлари ва образлари". "Ваҳдати вужуд" таълимоти рўшанийлар наздида изчил кенг қамровли бир тизимдир. Етти бўлакдан иборат бўлган бу бобда поэтик образлар ва тушунчалар орқали унинг қуйидаги асосий миқёслари белгиланди: а) Худо - Ҳақ; б) Инсон - Ҳақ билан муносабатдаги ҳолатда; в) Худо ва Муҳаммад; г) Қалб; д) Муршид; е) Фано ва бақо; ж) Рўшанийларнинг расмий дин ақидалари ва руҳонийларига бўлган муносабати; з) Боязид образи; и) Ижтимоий-ахлоқий мотивлар.

Тўртинчи боб "Рўшанийлар шеъриятининг асосий жанрлари" деб номланган.

Бешинчи бобда рўшаний шоирлар шеъриятида қўлланилган вазнлар масаласи тадқиқ этилади.

Диссертация мамлакатимиз ва чет эл афғоншунослигида биринчи бор афғонларнинг пуштузабон илк адабий мактабни комплекс тадқиқ қилиш ва қайта тиклашга уринишнинг натижасидир.

Объектив ва субъектив омиллар сабаб бўлиб, тадқиқ объекти ва предметга адабиётшунослар етарли эътибор бера олмаганлар. Шунинг учун ҳам тадқиқот жараёнида ва шунингдек, натижаларига эришишда кўпгина жиҳатларга биринчи марта қўл урилди. Хусусан:

- рўшанийларнинг бугунги кунда маълум бўлган барча қўлёзма китоблари бир ерга тўпланиб, атрофлича таҳлил этилди ҳамда манбашунослик ва библиографик жиҳатдан изоҳланди;

- аввал маълум бўлмаган рўшаний шоир ва адибларининг номлари, уларнинг асарлари аниқланди ва натижада рўшаний шоирлари сони 33 нафарга етди;

- рўшанийлар ва уларнинг ижоди ҳақидаги илмий адабиёт тўла ўрганилиб, бир тизимга келтирилди;

- Боязид Ансорийнинг бизга маълум бўлган барча асарларини чуқур ўрганиш ва унинг фалсафий-диний, диний-ахлоқий қарашларини синчиклаб таҳлил қилиш асосида унинг бутун рўшанийлар адабиётига чуқур таъсир этган сўфиёна-пантеистик таълимотининг концептуал томонлари аён бўлди;

- Боязид Ансорийнинг "Хайр ал-баён" асарини афғонларнинг пушту тилидаги илк ёзма ёдгорликларидан бири сифатида яхлит тарихий-филологик таҳлил қилиш натижасида бу ажойиб асарнинг гоёвий-тематик, адабий-бадний, жанр ва тил хусусиятлари аниқланди;

- рўшанийларнинг асарлари, шу жумладан Арзоний, Мирзахон Ансорий, Али Муҳаммад Мухлис, Восёл Рўшаний, Давлат Лавонай,

Каримдод Рўшаний каби етук рўшаний шоирларининг шеърлари девони манбашунослик ва адабиётшунослик нуқтаи назаридан чуқур таҳлил қилинди;

- пушту мумтоз шеъриятининг пайдо бўлиши, шаклланиши ва ривожланиши ҳамда жанрларининг ўзига хослиги масаласи тадқиқ этилиб, рўшанийлар шеъриятининг жанр шакллари ва жанр мазмунининг типологик хусусиятлари аниқланди;

- рўшаний шоирлар шеъриятининг таҳлилига асосланиб, пушту шеърларидаги ритм микроструктураси, ритм ҳосил бўлишининг композицион-тузилиш хусусиятлари, ритмик турлари аниқланди. Рўшаний шеърияти генезисининг тадқиқига асосланиб пушту шеъриятининг тузилишига кўра силлабик-тоник турга мансублиги ва аруз вазнидан фарқлари соҳасида муҳим назарий хулосаларга келинди.

AN ABSTRACT OF THE THESIS ON THE ROSHANIAN LITERARY SCHOOL IN PUSHTU OF THE XVI-XVIIth CENTURIES.

Afghan literature in Pushtu, as a phenomenon of regional philological culture, developed in a classical form in XVI - XVII centuries in the creative work of such leading figures in Pushtu literature as Khushkhal-khan Khattak, Abdurakhman Momand and Abdulkhamid Momand who added to the stores of classical Oriental poetry of the Middle Ages with works which were equal to the best standards of the regional literature. But this Golden age was preceded by a very complicated and contradictory process of origin and formation represented by the Roshanian Literary School and with its founder Bayazid Ansari (1521-1572).

For Afghan studies Roshanian Literature is of great interest because it marked the origin of the first Afghan literary school. Another argument in favour of the present research is that studying Roshanian literature in its systematic polyaspectness, which includes studying prerequisites for its origin and formation, description of the ideological and artistic world as a whole and of every great representative taken separately, interpretation of the Roshanians' struggle with ideological opponents, and so on, reveals the integral picture of the peculiarities and typology of classical literature in Pushtu.

The thesis consists of an introduction, five chapters, a conclusion, comments and bibliography.

The introduction contains a general description of the research, the reasons for the choice of the subject of the thesis, its actuality, a formulation of the goals and tasks of the research and a bibliographical review which defines the state of studying the problem.

The first chapter, "The Roshanian Literary Circle and its Opponents", contains three interwoven and at the same time independent sections devoted to the analysis and description of Bayazid Ansari's creative work; his followers, the Roshanian poets and anti-Roshanian literary trends.

The second chapter, "Khayr al-bayan" as the Monument of the Afghan language and literature of the XVIth century", consists of three parts: 1. Early works in Pushtu and "Khayr al-bayan", 2. Manuscript and structure of "Khayr al-bayan", 3. Style and language of "Khayr al-bayan".

The third chapter is titled "Motives and images of the conception of "mono-being" in philosophical and ethical lyrics of the Roshanians". The Roshanians' conception of "mono-being" is a harmonious system. Through poetic images and ideas the chapter differentiates its main

parameters: a) God is truth, b) man in his attitude to truth, c) God and Mukhammad, d) heart, e) mentor, f) phana and baka, g) the Roshanians' position with respect to official dogmata and priests, h) Bayazid's image and social and ethical motives.

The fourth chapter is titled "Main Jenres of the Roshanian Poetry".

The fifth chapter investigates questions of metrics in Roshanian verse.

The thesis is the first attempt both in domestic and foreign Afghan studies to fully research and reconstruct the earliest Afghan literary school in Pushtu. Because of objective and subjective factors the object and the subject of the research have not received due attention and therefore many things, both in the process of the research and in the achievement of the results, have been carried out for the first time, i.e.:

- All extant manuscripts of the Roshanian have been collected and studied thoroughly and supplied with source and bibliographical commentaries.

- The names and works of previously unknown Roshanian poets and writers have been unveiled and as a result their number has been incused to 33 names.

- Works of scholarship on the Roshanians and their creative work have been studied and systemized.

- On the basis of thorough studies of all available works by Bayazid Ansari and detailed analysis of his phylosophic-theological and religious-moral views, conceptional aspects of his Sufi-pantheistic study which influenced all Roshanian literature have been unveiled.

- As a result of the integrated historical and philological analysis of "Khayr al-bayan", one of the earliest literary monuments of the Afghan written in Pushtu, the ideological and thematic, literary and genre reculiarities of this splendid work by Bayazid Ansari have been unveiled.

- The works of the Roshanians and also divanas of poems of the leading Roshanian poets: Arzani, Mirza-khan - Ansari, Ali Mukhammad Mukhlis, Vasil Roshani, Davlat Lavanay and Karimdad Roshani have been studied and analyzed in detail from the point of view of source and literary studies.

- The problems of the origin, formation, development and originality of genres of the Pushtu classical poetry have been studied and typological peculiarities of the genre forms and genre content of the Roshanian poets have been defined.

- On the basis of the analysis of poetic works of the Roshanians the microstructure of rhythm, the compositional and structural peculiarities of rhythm-building, and the rhythmic modification of the

Pushtu verse have been defined. As a result of the analysis of the phonetic nature of the Pushtu language and research into the genesis of the Roshanian verse, the most important and theoretical conclusions concerning the principal position of rhythm and metre, have been done and place of the Pushtu verse in the syllabo-tonic system of versification and the constructive differences of the Pushtu verse from the Aruz forms have been done.

БОСМАХОНАГА ТОПШИРИЛДИ 23.05.96 й.
БОСИШГА РУХСАТ ЭТИЛДИ 23.05.96 й. ҚОҒОЗ.
БИЧИМИ 60x84 1/16. ОФСЕТ БОСМА УСУЛИ.
ДАЛОВИ 100 НУСXA. БУЮРТМА 32

ЎЗРФА «КИБЕРНЕТИКА» ИИЧБ СИГА ҚАРАШЛИ
КИБЕРНЕТИКА ИНСТИТУТИНИНГ БОСМАХОНАСИДА
ЧОП ЭТИЛГАН.

700143. ТОШКЕНТ. Ф. ХҲЖАЕВ. КҮЧАСИ 34 УЎ.